

**ИГОРЬ
МОЖЕЙКО**

Игорь Можейко

1185 год

«WebKniga»

1989

Можейко И. В.

1185 год / И. В. Можейко — «WebKniga», 1989

Игорь Можейко – это на самом деле классик отечественной фантастики Кир Булычев. Вернее, наоборот: доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения Академии наук Игорь Всеволодович Можейко под псевдонимом Кир Булычев писал фантастику. А под своим настоящим именем публиковал книги по русской и всемирной истории. Перед вами одна из лучших – «1185 год». Действующие лица: князь Игорь, Ричард Львиное Сердце, Чингисхан, Барбаросса, царица Тамара – великие правители, великие современники. Эту книгу автор мог подписывать обеими своими фамилиями. Потому что исторически – все безупречно точно. А интересно – совершенно фантастически. Кир Булычев позавидовал бы.

© Можейко И. В., 1989

© WebKniga, 1989

Содержание

Вступление	7
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Игорь Можейко

1185 год

*При информационной поддержке главной книжной социальной сети Рунета
www.livelib.ru*

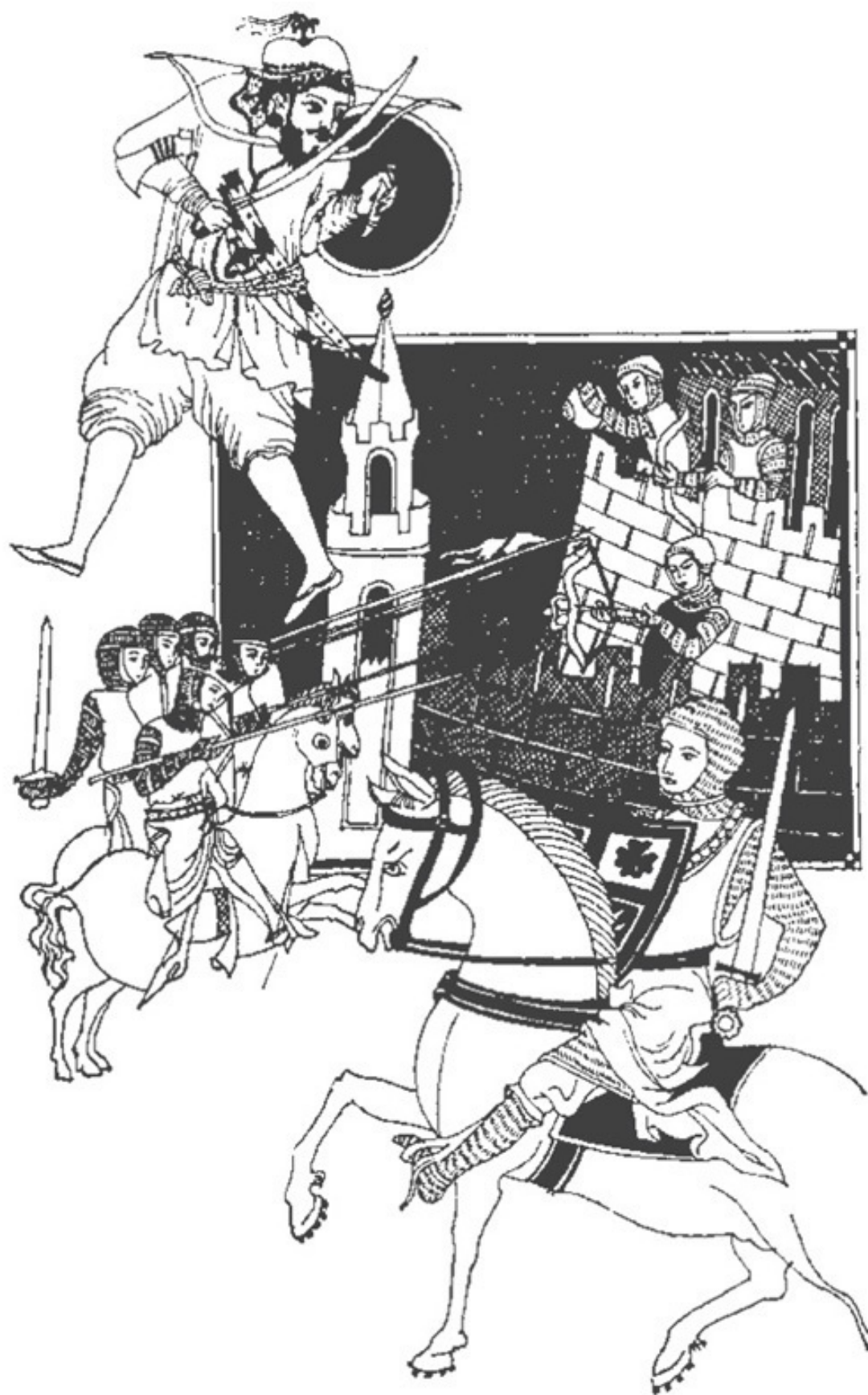
© Игорь Можейко, наследники, 2013

© Кира Сошинская, иллюстрации, 2013

© «Время», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Вступление

История стран и народов подобна рекам. Эти реки текут во времени, становясь шире, принимая притоки, проносясь порой в стремнинах, а иногда разливаясь.

Между реками – водоразделы. С ходом времени, а может быть, из-за того, что реки делаются шире, расстояния между ними уменьшаются. Возможно, в будущем реки сольются в общий океан. И тогда будет просто Человечество.

Изучение истории обычно построено как путешествие по той или иной реке. Мы словно исследуем особенности ее течения, состав воды, смотрим, как часто мелькают по берегам верстовые столбы дат. Заглядываем через водораздел мы чаще всего тогда, когда народы сражаются, когда армии вторгаются на чужие территории. Но наступил мир, миновало наводнение, и снова река вошла в берега.

Человечество, хотя и разделенное на народы, движется по своим рекам синхронно.

Из этого образа возникло желание нарушить привычный ход путешествия. Возникло оно случайно. Читая один исторический труд, я увидел знакомое имя – Владимир Галицкий. Персонаж оперы о неудачливом князе Игоре. В труде говорилось, что, враждуя с галицкими боярами, Владимир обратился за помощью к императору Священной Римской империи Фридриху Барбароссе и тот помог князю. Фридрих же спешил на юг, к Иерусалиму, чтобы встретиться там с Ричардом Львиное Сердце. И тут мне пришло в голову, что я, историк, никогда не задумывался над тем, что Ричард Львиное Сердце и князь Игорь были современниками и имели общих знакомых. Я, конечно, должен был знать, что они современники: для этого достаточно было вспомнить даты их жизни, но, так как эти люди были обитателями разных речных долин, в сознании они не связывались.

Подобное заблуждение невозможно, когда вспоминаешь, к примеру, о Кутузове и Наполеоне, Пушкине и Байроне, Эйнштейне и Боре. За последние сто-двести лет водоразделы значительно сузились, и, чем ближе к современности, тем яснее общее движение истории. Но продвинемся в прошлое, к истокам рек, – там, если еще раз обратиться к придуманному мною образу, реки разделены горами и дремучими лесами. Впрочем, так ли уж были непроходимы водоразделы?

Мы спесивы. Мы горды тем, что пользуемся телефоном и смотрим телевизор, можем долететь за несколько часов от Москвы до Нью-Йорка, а подняв глаза к небу, видим спутник Земли. От этого проистекает в определенной степени недоверие к нашим предкам. Мы с сомнением относимся к их знаниям и их мыслям. У них же не было телефона!

В этом отношении любопытен феномен инопланетных пришельцев. Еще сто лет назад никому не приходило в голову ставить под сомнение искусство строителей Древнего Египта и Ливана, астрономические познания народа майя или выучку индийских металлургов древности, создавших железную колонну близ Дели. Но в последние десятилетия появилось множество теорий, авторы которых, ссылаясь на эти великие достижения наших предков, утверждают, что некогда Землю посещали инопланетяне.

Популярность таких теорий объясняется, на мой взгляд, двумя причинами. Первая не имеет отношения к теме этой книги. Она касается области массового сознания, массовых суеверий: джинны и ведьмы, лешие и привидения в наш трезвый век переоделись в наукообразные одежды и превратились в экстрасенсов и пришельцев из космоса. Вторая причина нам ближе. Она кроется в неправильно понимаемом смысле прогресса. Прогресс технологический, прогресс социальный еще не означает прогресса умственного. Объем мозга человека со времен кроманьонцев не изменился, принципы его функционирования – тоже. Менялись образ мышления, отношения с окружающим миром, но не уровень индивидуального сознания. Лео-

народа да Винчи был бы великим ученым и художником и сегодня. Но иное бы изобретал и иные полотна писал.

В древнем мире избыточный продукт использовался, по современным меркам, нерентабельно. Возвеличивая правителя или бога, подданные строили громадные гробницы и храмы, не имевшие утилитарного (с нашей точки зрения) назначения. Однако это не означает, что человечество, продвинувшись по пути прогресса, перестало возводить гигантские сооружения во славу гордыни и тщеславия. Просто процент от общих сил общества, уходящий на это, резко снизился. Талантливый экспериментатор давних веков не мог заняться ядерными реакциями, но сфера применения для его таланта существовала: он рассчитывал пирамиду Хеопса или фундамент храма Дианы Эфесской. Мыслитель мог провести жизнь, доказывая возможность размещения двадцати ангелов на острие иглы, и делал это очень талантливо. И бессмысленно (с нашей точки зрения). Но таков был осознанный социальный заказ.

Когда же мы сегодня распространяем торжество технологического прогресса на всю умственную деятельность человека, неизбежно возникает убеждение в том, что мы умнее наших предков.

На такой почве вымыслы сторонников инопланетного происхождения памятников земной цивилизации дают быстрые и пышные всходы. Плиты в основании Баальбекского храма весят тысячу тонн, – разумеется, наши предки никогда не смогли бы дотащить их до места. Ведь даже нам это сложно сделать. Значит, тут побывал добрый инопланетный дядя. Колонна в Дели не ржавеет тысячу лет? А у меня автомобиль на третий год проржавел. Значит, добрый инопланетный дядя отлил эту колонну. В Южной Америке в пустыне Наска кто-то когда-то изобразил громадные фигуры животных. Увидеть их целиком можно только с неба. Значит, их делали пришельцы или для пришельцев. И так далее...

И начинается грабеж собственного прошлого. Прошлого, в котором строители знали и умели очень многое, располагая к тому же практически неограниченными резервами мускульной силы рабов. Им приказывали создавать великие сооружения. И они столетиями отработывали приемы и методы такого строительства – и были притом не глупее нас с вами. Металлурги прошлого тоже умели многое. Мы до сих пор стараемся открыть секрет булатной стали, пользуясь тончайшими лабораторными методами. Металл был нужен для войн. Железо в Индии было в древности дешевле, чем в Европе, но и там оно было очень дорого. Спесь очередного тирана могла удовлетворить шестиметровая колонна из железа. И он приказал ее сделать. А специалисты тогда были. Только не инопланетные, а обыкновенные. О нетленности колонны в Дели много говорят. Но лишь недавно металлурги обнаружили, что она не литая, а склепана из кусков, что металл в ней вовсе не чистый, что подземная часть колонны проржавела на глубину десять сантиметров, что кусочки металла, отрубленные от колонны и перенесенные в места с более влажным климатом, благополучно и быстро корродировали.

Размышления о людях и талантах прошлых веков привели меня к желанию не только заглянуть в те времена, но и нарушить закон плавания по рекам: пересечь водоразделы, шагая поперек течения рек, то есть оставаясь в пределах узкого отрезка времени.

Мне захотелось увидеть и показать читателю мир одного года (или нескольких лет), но не сегодняшний и не близкий нам по времени, а отдаленный, тот самый мир, к которому мы испытываем чувство снисходительности, мир, в котором не пользовались телефоном. Мне захотелось показать читателю, что великие мыслители и художники, воины и поэты далекого прошлого были частицами человечества, пусть и разделенного горами и лесами. Мне захотелось показать, что деление истории народов на изолированные потоки – условность и что картина мира в целом не только интересна, но и поучительна. Для тех же, кто не любит историю за то, что в ней много дат и их надо зубрить, я сделаю большую поблажку. Дата будет одна: мир такого-то года.

Следующий этап, предшествовавший работе над этой книгой, заключался в решении нелегкой задачи: какой год избрать?

Мир расцвета античной культуры?

В нем есть явная неуравновешенность. Мы многое знаем о Древней Греции, о Риме, зато мир за их пределами, за исключением Китая, где существовала традиция летописания, мало известен; к тому же во многих частях Земли в силу неравномерности развития цивилизаций социальные общества лишь начинали зарождаться. А это значит, что путешествие через водоразделы будет относительно коротким.

Мир после падения Римской империи?

Это мир взбаламученный, мир движения народов, неустойчивый и почти лишенный письменных источников.

Средневековье?

К нему издавна принято относиться плохо. «Мрачное Средневековье». «Средневековые порядки». «На смену тьме Средневековья приходит светлое время Возрождения». Средневековье в нашей памяти связывается с инквизицией, монгольскими завоеваниями, чумой, беззаконием... Пропустим пока это время и заглянем в эпоху Ренессанса.

И тут же становится ясно, что она для нашей цели слишком близка. Гении и знаменитости этого времени широко известны, великие географические открытия описаны, полотна художников тысячи раз репродуцированы. С Ренессанса начинается та история человечества, к которой мы уже относимся всерьез. Гиганты Возрождения признаны нами как гиганты общечеловеческие. Мир уже связан знаменитыми плаваниями Колумба, Васко да Гамы и Кабрала. Магеллан уже доказал всем, что Земля круглая. Преемственность деяний четко прослеживается в последующие эпохи. За Магелланом придет Фрэнсис Дрейк, за Дрейком – капитан Кук. От Кука уже недалеко до Крузенштерна. Европа начинает диктовать миру свои законы.

Описать любой год Возрождения исследователю, с одной стороны, легче, потому что идешь проторенными путями, но с другой – сложнее, ибо найти новое на столь изученных дорожках трудно.

Пришлось вернуться в прошлое, в «темное» Средневековье.

Хотелось увидеть мир более или менее стабильным, чтобы он хоть немного попозировал перед объективом. Значит, верхним рубежом такого периода станет монгольское завоевание, которое кардинально и надолго нарушило естественный порядок вещей. Тогда искомым год надо выбирать в десятилетиях, предшествовавших монгольскому завоеванию. Забираться далеко в глубь Средневековья опасно: письменные источники с каждым десятилетием становятся все более скудными и ненадежными, ценность же исследования находится в прямой зависимости от его достоверности. Чем меньше домысливаешь, тем цельнее и достовернее картина.

Осталось уточнить дату.

Что взять за отправную точку?

Падение Иерусалима? Смерть Фридриха Барбароссы? Или какую-нибудь известную дату русской истории?

А почему не остановиться на событии, незначительном для мировой истории, но силой литературы ставшем вехой в истории нашей страны?

В 1185 году князь Игорь потерпел поражение от половцев и был взят ими в плен. Обычная, одна из многих, пограничная война. Русские княжества и половецкая степь. Но это событие послужило причиной создания первой дошедшей до нас русской поэмы, первого великого произведения русской литературы. Неизвестный поэт писал эту поэму как пророчество. Словно заглянул в будущее на полвека, словно увидел причину скорой трагедии русских земель. Ужаснулся, закричал, но не был услышан.

1185 год...

Относительное затишье. Не только в Европе, но и в Азии – в Китае, Индии, Иране. Мир разобщен, суров, но чем более вглядываешься в его жизнь, тем более богатым и разнообразным он представляется. И тем яснее понимаешь, что его невозможно охватить и описать целиком. Путешествие через водоразделы приведет к тому, что на некоторые реки мы лишь взглянем, переправляясь через них, на берегах других задержимся. Ведь это не строго научное исследование, а рассказ о людях, которые жили, страдали, любили, умирали восемьсот лет назад¹.

Когда пишешь историческую книгу, независимо от степени ее научности и важности проблем, о которых там говорится, в ней, на мой взгляд, обязателен сюжет, схема, конструкция повествования. Бывает, что сама по себе проблема уже достаточна для построения конструкции. Например, если объект книги человек. В исследовании об Александре Македонском само движение его личности во времени и в пространстве является сюжетом.

История, естественно, более других наук связана с течением времени. И потому временной стержень – основа всякого сюжета исторического труда.

Иначе получается с этой книгой.

Цель ее – дать временной срез, то есть показать, что происходило в мире в исторически короткий промежуток времени. Практически одновременно. Таким образом, время как основа схемы исчезает. Оно начинает действовать лишь внутри каждой главы, причем всякий раз приходится начинать с определенной, наиболее приемлемой хронологической точки и проходить относительно короткий путь с героями этой главы.

Но тогда встает вопрос: как превратить набор сюжетов в единое повествование?

Выход один – организовать главы в пространстве, географически.

Сначала я хотел ввести в книгу воображаемого путешественника, который движется от реки к реке и наблюдает события. Однако от этой идеи пришлось отказаться. Путешественник XII века передвигается медленно. Скажем, путь от берегов Англии до Японии или Явы займет годы. Поэтому он не в состоянии находиться в нужном месте в нужный день или месяц. Между тем события, ограниченные 1185-м и ближайшими к нему годами, происходили одновременно в разных концах планеты.

Даже писем путешественник получать не сможет, так как письма будут двигаться с той же скоростью, что и он сам.

В итоге путешественник остался дома, но размышления о нем натолкнули на другую возможность построения книги. Ведь мир XII века был связан торговыми путями. Бывают такие кочующие проселочные дороги в плоской степи. Если посмотреть на нее с высоты, то увидишь, что она состоит из множества колеи; некоторые уже заросли травой, другие основательно протоптаны; тропки ответвляются от дороги во влажных низинах и вливаются в нее вновь через несколько метров или бегут к недалекой деревне; иногда дорога превращается в широченную многоколейную полосу, а порой сужается до одной колеи.

Вот таким мне видится Великий торговый путь Средневековья.

Он непостоянен. В зависимости от политических условий, от возникновения и гибели государств, от войн и разбойничьих набегов колеи его смещаются, порой возникают дальние объезды. Но что бы ни происходило в мире, товары с одного конца Земли требовались в другом, и потому Великий торговый путь был всегда.

Пусть же он и станет пространственным стержнем, на который будут нанизаны главы этой книги.

¹ Дата, избранная мною, условна. Рассказать о том, что было в 1185 году, умолчав о предшествовавших и последующих годах, неразумно. Ведь книга эта о людях, живших во второй половине XII века. Так что, попав в очередную речную долину, мы совершим путешествие по реке истории длиной в несколько лет, прежде чем перейдем в следующую долину.

Великий торговый путь – иногда его именуют и Великим шелковым путем – существовал много столетий. От Восточного Средиземноморья через Сирию он тянулся к Ирану, где издревле были устроены колодцы и водоемы для караванщиков, оттуда вел к Бухаре и Самарканду (кстати, лучшие шелка вырабатывались тогда не только в Китае, но и там, в среднеазиатских городах), затем переваливал через Северный Памир к Кашгару и Яркенду; здесь он раздваивался, обходя с севера и юга пустыню Такла-Макан, и сходиллся у озера Лобнор, откуда шел в степи, населенные кочевыми народами, и далее в Китай.

Арабские историки тех времен считали, что от Красного моря до Китая двести дневных переходов. Реально же никто не мог так быстро проделать этот путь, потому что любой караван должен был останавливаться в городах и в оазисах, вести там торговлю. В дороге путников встречала непогода, зимой никто не решался проходить через Гоби, да и вечные войны и вражда государств, каждое из которых было заинтересовано в доходах с торгового пути, отнюдь не способствовали скорости движения караванов. Так что на самом деле путешественник, чтобы добраться, скажем, из Генуи или Тира до Китая, тратил два-три года.

Объем торговли на Великом шелковом пути был, даже по нынешним меркам, весьма велик. Там шли не случайные спутники с тюком шелка. Надежнее и безопаснее было собираться в большие караваны, которые насчитывали сотни купцов, имели солидную охрану и тысячи вьючных животных. Магнаты, которые правили этой торговлей, были столь богаты, что, к примеру, один из них, вернувшись из Китая, на свои деньги выложил золотыми листами бассейн для омовения в Мекке. Многочисленные оазисы и города вдоль пути жили пошлинами, которые собирали с купцов, и доходами от караванов, что останавливались там.

До сих пор археологи не перестают удивляться, находя в самых неожиданных местах предметы, попавшие туда издалека по Великому торговому пути. Это и сасанидские серебряные блюда в тайге Северного Урала, и китайские фарфоровые чашки в предгорьях Кавказа, и нефрит в Ирландии. Торговый путь был горячей артерией Средневековья, источником товаров и информации, предметом раздоров и войн. Одной из причин экспансии державы Чингисхана было стремление господствовать на Великом торговом пути, а рыцари-крестоносцы шли освобождать гроб Господень, не подозревая зачастую, что их толкают к завоеванию Святой земли венецианские и генуэзские купцы, желающие контролировать важнейшие перевалочные порты Средиземноморья.

Лишь в своей средней части – в Центральной Азии – Великий торговый путь был сравнительно узок и един. Далее, к концам, он дробился на множество ответвлений, которые разбегались к городам и странам. С одной стороны они заканчивались у берегов Ирландии и норвежских фиордов, в Португалии и Дании, в Суздале и у Уральских гор, а с другой – тянулись к Японии, к островам Пряностей за Индонезией, к Цейлону и Филиппинам. От каждого истока пути, как бы ни был он мал, текли товары, от каждого начинался ручеек, который вливался потом в основной путь.

Существовали и побочные дороги, порой весьма оживленные и важные. Например, морская дорога вдоль побережья Северной Европы, одним из важных пунктов на которой был Новгород, и далее, по рекам, путь «из варяг в греки» или путь от Аравии к Южной Индии и далее к Малайскому архипелагу, а от него вокруг Вьетнама к Южному Китаю. Эти пути так или иначе были связаны с Великим шелковым путем, питались им и питали его.

Великий шелковый путь часто определял не только политику и судьбу государств и народов, но и жизнь отдельного человека, который мог и не подозревать о том, что на свете есть Китай или Япония, Ирландия или Норвегия. Он в значительной степени определил и судьбы героев этой книги – Ричарда Львиное Сердце, который отправился освобождать Иерусалим, и молодого Тэмучжина (будущего Чингисхана), царицы Тамары и северского князя Игоря. Правда, влияние пути на судьбы людей часто было настолько сложным и опосредованным, что

необходимо построить длинную логическую цепочку причин и следствий, пока доберешься до конкретного человека.

Впрочем, это и обязательно делать.

Факт существования Великого торгового пути установлен, и можно двинуться вдоль него, останавливаясь, подобно путникам, в городах и замках, на постоялых дворах и возле военных лагерей.

Мир конца XII века, каким он показан в этой книге, сходен с вечерним городом. В некоторых окнах горят огни, и, если шторы не задернуты, мы можем туда заглянуть. В других света нет, но это необязательно означает, что комнаты пусты: может быть, их обитатели спят. Те сцены, что предстали нашему взору, позволяют получить представление о жизни города в целом.

В рамках общих законов развития средневекового общества рождались, жили, гибли многие народы. В городах трудились художники и поэты, строители и философы. Но по разным причинам информация, прорвавшаяся к нам через восьмисотлетнюю толщу времени, недостаточна и неодинаково равноценна. Причин много. И неравномерное развитие государств, и то, что одни из них сохранились по сей день и даже сберегли свои архивы и документы, а другие исчезли. Одни, как Ангкор, канули в небытие, но от них сохранились великолепные памятники. От других не осталось и следа. Названия их почерпнуты из летописей соседних стран.

Цель этой книги – не воссоздать строго научную историческую картину мира, а рассказать о людях, которые тогда жили, о творцах и жертвах истории. Следовательно, речь пойдет лишь о тех освещенных окнах, которые не закрыты шторами...

Остается лишь один вопрос: откуда начать путь?

Здесь выбор достаточно велик, и определяется он чисто субъективными факторами. Исходным пунктом путешествия и повествования я сделал страны Юго-Восточной Азии – один из дальних истоков Великого торгового пути.

Страны Юго-Восточной Азии подобны виноградной грозди, повисшей на южной ветви Великого шелкового пути. Это комплекс государств, связанных между собой торговыми, политическими и культурными узами. Им были свойственны общие черты. Они заимствовали у Индии религию – индуизм или буддизм, концепции государственной власти, письменность, многие приемы в строительстве и архитектуре, принципы искусства, даже мифологические мотивы и литературные жанры. Постепенно там укреплялась местная власть, связи с Индией становились все менее ощутимыми. Вместе с тем в них долго сохранялось индийское влияние в духовной жизни (куда большее, чем влияние китайское, хотя Китай периодически претендовал на верховную власть над ними).

Из государств, возникших на южном морском торговом пути, самой знаменитой, могучей и долговечной была островная империя Шривиджайя, которая включала Суматру и часть нынешней Малайи и контролировала проливы, ведущие из Бенгальского залива и Андаманского моря в Тихий океан. Государство это то усиливалось, то теряло часть владений, входило в союзы с властителями Южной Индии и Цейлона, подчиняло себе государства Индокитайского полуострова. Оно владело множеством островов и морских портов. Сила его заключалась во флоте, самом могучем в Азии. Китайский пилигрим, побывавший там в XII веке, писал, что Шривиджайя – «важный перекресток для торговли иноземных народов, где встречаются товары из всех стран и где они хранятся на складах для иноземных судов». А если «какой-нибудь иностранный корабль, проходящий мимо, не заходит в порт, вооруженная стража снаряжается в погоню и убивает экипаж и команду корабля до последнего человека».

В конце XII века Шривиджайя контролировала почти весь Малайский архипелаг, лишь на Яве существовали другие государства (впрочем, они не оставили о себе памяти). В портах Шривиджайи бросали якоря корабли китайские, цейлонские, кхмерские, тямские, вьетские, арабские. Везли они сандаловое дерево и слоновую кость, золото, серебро и олово, железо и лак, рис и пшеницу, фарфор и пряности. Эти и многие другие товары перечислены в записках любознательных китайских пилигримов.

Шривиджайя, государство знаменитое и могучее, тем не менее для нас подобна окну, закрытому плотной шторой. О Шривиджайе повествовали гости. Сама же эта держава ничего о себе не рассказала. И не оставила памятников – ни литературных, ни архитектурных. Археологи лишь приступают к раскопкам в тех краях.

Впрочем, этому можно найти объяснение: Шривиджайей правили купцы и солдаты. В ней было множество морских портов – иначе не сохранить контроль над торговым путем. Зато собственное хозяйство было развито слабо, и за стенами крепостей и городов простирались леса, населенные племенами охотников и рыбаков.

Мы не знаем ничего достоверного о людях Шривиджайи. Следовательно, раз наша книга не об экономических проблемах и не о социальных законах, мы минуем Шривиджайю и перекочуем на Индокитайский полуостров, где процветали в XII веке Паган и Ангкор.

В мире совсем немного мертвых городов, которые не забыты, не съедены лесом, как Ангкор или города майя, не разрушены завоевателями и временем, не погребены под новыми жилищами.

Паган же – редчайшее исключение.

Последние жители покинули его в XIV веке, умирание города растянулось на столетие, но никто не посмел тронуть его дворцов и храмов. Да и не было в тех краях яростных завоевателей, желавших изгладить память о Пагане. Неподалеку возникали новые столицы и росли новые государства. Среди храмов, на месте сгоревших или сгнивших деревянных домов, дворцов и монастырей, появились деревушки, бывшие площади и улицы города превратились в поля. Но не погиб народ, не умерла религия, которой были посвящены храмы, и оттого потомки жителей Пагана с почтением и удивлением относились к громадам, воздвигнутым его царями. Не разрушаясь, ибо был построен на редкость крепко, превратившись в легенду, Паган продолжал существовать, и любой человек, проплывавший по могучей Иравади, видел белые и бурые силуэты храмов. А если он был бирманцем, то помнил с детства и названия храмов, и имена строителей. Правда, с течением времени все связанное с Паганом отрывалось от исторической действительности и становилось преданием: за именами скрывались не конкретные люди, но герои древности, замыслы и поступки которых соотносились в сознании потомков с красотой и величием их творений.

Каждая вторая бирманская сказка начинается словами: «Это было в Пагане». Там жили великие герои и знаменитые поэты, мудрые короли и коварные злодеи.

Паган – это крупнейший в мире мертвый город, который никто никогда не терял, никто никогда не забывал, и, тем не менее, его уже в наши дни пришлось открывать заново, чтобы вернуть истории.

Мне кажется правильным (хотя, может быть, и недостаточно эстетичным) сравнить Паган со скелетом некогда жившего существа, кости которого отполированы ветрами и дождями. По ним дотошные ученые могут восстановить внешний вид этого мастодонта, хотя наверняка ошибутся в деталях, в частностях. Костяк города – храмы – лишен плоти: домов, улиц и площадей, базаров, постоянных дворов и садов. Даже самый маленький из храмов, который некогда прятался в тени манговых деревьев и возникал перед путником внезапно, так как увидеть его можно было лишь вблизи, теперь виден издали: он стоит на голой равнине. Мы можем оценить его пропорции и точность линий, но никогда не увидим и не поймем его в живой сумме строений и деревьев живого города. Потому требуется немалое воображение, чтобы представить себе, какой же была столица первого бирманского государства в 1185 году.

Бирманцы, построившие Паган, пришли в долину великой реки Иравади в IX веке. Они спускались с гор, стеной отделявших Бирму от Китая, и селились на жаркой сухой равнине, оттесняя к югу или поглощая племена, занимавшие ее раньше. Паган, который тогда был, очевидно, небольшой крепостью, лежал несколько в стороне от их первоначальных владений, но вскоре стал предметом спора между бирманскими вождями, так как располагался на берегу Иравади – главного торгового пути. Оттуда можно было спуститься до самого моря, где стояли богатые города монов – народа, заселившего юг Бирмы за несколько веков до бирманцев.

Паган стал форпостом государства, долины, в которых обосновались бирманские племена, – тылом, резервом.

Объединить Бирму и создать государство, которое вошло в историю под именем Паганского, суждено было бирманскому вождю Анорате, который укрепился в Пагане в середине XI века и в течение последующих двадцати лет предпринял несколько удачных походов на юг. Оттуда, из завоеванных монских городов, он привез в столицу каменщиков и художников, буддийских монахов и, что было немаловажно для последующей истории Бирмы, буддийские рукописи. Буддизм стал официальной религией нового государства, сменив первобытные анимистические верования, которых придерживались бирманцы до этого.

В течение последующих десятилетий Паган превратился в одно из самых крупных государств Юго-Восточной Азии. Иравати была важной торговой артерией, южные морские порты располагались на пути из Индии к странам Южных морей. Сильное государство строило каналы, водохранилища, плотины, поэтому поля Бирмы давали обильные урожаи, и население быстро росло. Но вот расширить границы Паганское государство не смогло: мешал географический фактор. С трех сторон Бирма окружена труднопроходимыми горами, и лишь на юге низменность переходит в море. Покорение соседних стран – это обязательно переход через горы. Такие походы были и в паганские времена, и позднее. Но как только бирманская армия уходила через перевалы, она оказывалась отрезанной от резервов, снабжение ее становилось трудным делом, и в конце концов, какими бы ни были внушительными военные успехи, рано или поздно ей приходилось отступать: Бирма оставалась за горами и непроходимыми лесами и не могла оказать помощи. А мореходами бирманцы, народ сухопутный, оказались посредственными, сильного флота у них никогда не было.

Паганское государство было богатым и сильным. В руках королей и знати скапливались немалые богатства. Богатства следовало использовать. Если еще недавно бирманские вожди устраивали знатные пиры, то теперь, в стране централизованной, могучей, никакими пирами прибавочный продукт не уничтожишь. И, как везде в мире на этом этапе социального развития, именно религия дала стимул к грандиозным тратам. Началось строительство храмов и пагод, которые должны были стать «заслугой» в следующем рождении государя или вельможи, улучшить его карму, зависящую от добрых дел во славу буддийской религии.

И вот с середины XI века на берегу Иравати среди деревянных хижин, монастырей и дворцов стали подниматься кирпичные громады храмов. Они возникли как бы сразу, это был взрыв творческого гения паганских зодчих. Уже первый из больших храмов – Ананда, построенный королем Тилуин Маном и освященный в 1091 году, стал одним из самых выдающихся архитектурных памятников Азии. А ведь прошло всего пятьдесят лет с момента образования Паганского государства.

Всего в Пагане было построено за двести пятьдесят лет его существования немало храмов, пагод, храмиков и других каменных сооружений (по разным данным, от двух с половиной до пяти тысяч), и, разумеется, далеко не все сохранились.

Строительство большого храма было общегосударственным предприятием. Такой храм – главное дело жизни государя, причем не каждый из них мог себе это позволить. По крайней мере, последние полвека существования Паганского государства – период его упадка – не знают ни одного большого храма: короли были бессильны собрать столько средств и строителей, чтобы прославить свое имя достойным образом.

Большой храм – это гигантское сооружение, высотой шестьдесят-семьдесят метров, выше современного двадцатипятиэтажного дома, со сложной системой внутренних помещений, со статуями и фресками. Есть в той же Бирме пагоды, которые выше храмов, но это постройки типа египетских пирамид – правильно организованные груды кирпича, без внутренних помещений.

Храмы Пагана – своего рода революция в восточноазиатской архитектуре. Их конструктивная основа – широкое применение арок и сводов. Именно это и позволило храмам дожить

до наших дней, несмотря на время и стихийные бедствия, главным образом землетрясения. А землетрясений в Бирме бывает немало, и очень сильных. Последнее, катастрофическое, в 1974 году, повредило ряд храмов, в том числе храм Ананда, повредило, но не разрушило.

Как могло произойти, что пришедший с гор небольшой народ, никогда раньше не имевший традиций каменного строительства, сразу после основания первого своего государства воздвиг подобные храмы? Естественно, что исследователи в поисках прототипов паганских храмов обращали свои взоры в сторону великих азиатских цивилизаций древности, в первую очередь в сторону Индии.

Что такое индийский храм? Он произошел от горы и пещеры в ней. И не скрывает своего происхождения. Внешне индийский средневековый храм невероятно тяжел, и настолько раздроблены его фасады, настолько измельчены украшениями и скульптурами, что создается ощущение поросшей лесом крутой горы. Внутри же под многотонной тяжестью этой горы скрывается низкая темная пещера – внутреннее помещение храма, чаще всего перекрытое толстыми балками. Индийский храм по-своему един и логичен.

Бирманский храм противоречив и нелогичен.

Внешне храмы Пагана просты. Светлые чистые стены, украшенные лишь пышными порталами. Само здание – куб. Над ним ступенчатой пирамидой крыша, увенчанная сикхарой, сходной с початком кукурузы.

По простоте линий и некоторому пренебрежению к деталям, к точности кладки, по геометрической выверенности входов храмы Пагана напоминают церкви Пскова или Новгорода. Храмы гармонируют с открытым пространством равнины и цепью голубых холмов на горизонте.

Зато, когдаходишьвнутрихрама, попадаешь в мир тесный, темный, загадочный. Внутренние помещения, как правило, невелики, коридоры узки, статуи стоят в полумраке, лишь узкие лучи света падают на их улыбающиеся лица. Храм создан для того, чтобы вызвать своего рода душевный шок у человека, пересекающего границу между светлым внешним миром и загадочным миром души.

Прототипы бирманских храмов в последние десятилетия найдены в самой Бирме². Ведь бирманцы пришли не на пустое место. До них в долине Иравади и на южном побережье существовали небольшие государства – монов и народа пью. Раскапывая развалины их городов, археологи убедились в том, что основные принципы паганских храмов были разработаны в самой Бирме за столетия до создания Паганского государства. Объединив страну, свезя в столицу зодчих из других городов, имея в своем распоряжении громадные средства и человеческие ресурсы, короли Пагана смогли сделать важный шаг – от строительства маленьких святилищ древности перейти к сооружению величественных храмов Средневековья.

За двести пятьдесят лет существования Паганского государства там было построено шесть больших храмов. В 1091 году – Ананда, самый изящный и благородный из них. В середине XII века был воздвигнут Татбинью, самый массивный и высокий. Можно подняться на его верхнюю террасу и оттуда с высоты шестидесяти метров увидеть весь Паган, Иравади и далекие холмы за рекой. У входа в этот храм стоит маленький храмик, сходный с гигантским собором. По преданию, на его сооружение пошел каждый десятитысячный кирпич из тех, что были уложены в тело Татбинью. На рубеже XIII века родились два храма – Годопалин, самый легкий и совершенный из храмов, и Суламини. Кансу II был единственным королем, при котором были воздвигнуты два храма. Строительство последнего из больших храмов, Тхиломинло, завершилось в 1211 году, при короле Натомья.

Выше перечислены пять храмов.

Но есть и шестой. Единственный незаконченный храм в Пагане.

² Ныне Мьянма. – *Примеч. ред.*

Называется он Дхаммаянджи.

Он построен по образцу храма Ананда, но его создатели не смогли найти той гармонии линий, что превращает гигантское сооружение в произведение архитектуры. Он тяжел, громоздок, и это подчеркивается темно-бурым цветом стен, так как оштукатурить его не успели.

С ним связана тайна Пагана второй половины XII века.

После смерти великого паганского короля Тилуин Мана в 1112 году на престол вступил Кансу I. И процарствовал больше полувека.

Нас сейчас интересуют события последних лет его правления.

Обратимся к бирманским хроникам. Их множество – начиная с главных, составленных по приказу короля, и кончая местными – монастырскими, областными, чуть ли не деревенскими.

Есть необъясненные законы создания исторической литературы, отношения к истории в пределах той или иной цивилизации. Например, в скандинавских странах историческая литература в Средние века была необычайно развита. Даже в маленькой Исландии создавались замечательные саги. От них лишь шаг до хроники, такой, как «Земной круг». Это гигантский по объему и скрупулезный труд, который и сегодня служит основным источником по истории викингов и Норвегии. В то же время «Земной круг» – одно из величайших произведений художественной литературы Средневековья.

На Руси писание летописей было делом монахов. История русских княжеств была зафиксирована. Беда в том, что в России в последующие века плохо сохранялись рукописи. Те из них, что пережили монгольское иго, горели вместе с монастырями и библиотеками, гнили в подвалах и уходили на растопку. Еще первый русский историк В. Н. Татищев в начале XVIII века пользовался летописями, о которых мы можем судить лишь по цитатам в его «Истории российской», – они потом погибли. Сгорело «Слово о полку Игореве». И все же сохранилось немало.

В Японии эстетическая сторона дела играла столь важную роль, что летопись превращалась в роман.

Японский читатель Средних веков ждал героической повести – и писатели шли ему навстречу. История была лишь материалом для прозы. Правда, она была настолько драматична, что порой и не приходилось ничего додумывать. Достаточно было снабдить ее моральными выводами.

В Китае историческая традиция была развита издавна. История относилась к области делопроизводства, она была средством фиксировать для потомков величие державы. Поэтому китайские хроники – незаменимые исторические документы. Достаточно сказать, что тщательная и подробная фиксация прибытия посольств из других стран и отправки собственных миссий сохранила для нас достоверные сведения об исчезнувших государствах Азии.

А вот в Индии хроник и летописей практически не было. Древнюю и средневековую историю Индии порой очень трудно реконструировать. И если датировка событий в Китае прослеживается на тысячелетия, то в древней Индии хронология даже важнейших событий нередко весьма сомнительна.

Возможно, это объясняется господствовавшими в Индии религиозными концепциями – непостоянства, вечного перерождения – и вечным движением людей и идей по бесконечным раскаленным долинам и лесным дорогам грандиозной страны. В Индии вплоть до нового времени не было понятия принадлежности к стране. Не было индийцев – были индусы, джайны, сикхи и буддисты, были хайдарабадцы и бенгалцы, пенджабцы и кашмирцы. Многие страны, развивавшиеся под влиянием индийской цивилизации, так и не пришли к созданию собственной исторической литературы. Лишен ее был великий Ангкор, пропали, не оставив летописей, Фунань, Тямпа, Ченла, Шривиджайя, а ведь это были обширные и могучие державы, и существовали они многие десятилетия, а то и века.

Бирме в этом отношении повезло. Она попала как бы на перекресток влияний. Первые бирманские летописи берут начало во времена Пагана. После его гибели старые списки сохранились в монастырях; впоследствии они многократно переписывались и входили в состав новых хроник. Последняя королевская хроника была создана в середине XIX века, незадолго до того, как Бирму завоевали англичане.

История Паганского государства, зафиксированная в летописях, в основном совпадает с тем, что отражено в надписях на камнях, высеченных в паганское время. Правда, официальные имена королей изменены в летописях на те, что вошли в народную традицию. Например, с 1210 по 1234 год в Пагане, судя по надписям, правил король Натомья. В летописях он назван Тхиломинло. Это имя означает «Тот, на которого указал зонт». Происхождение странного имени объясняется так: у короля Кансу было пять сыновей, и, чтобы выбрать достойного править государством, их посадили перед белым королевским зонтом. Зонт склонился к младшему сыну. Остальные четыре брата помогали ему править страной.

Находясь на юго-восточном ответвлении Великого торгового пути, Паган контролировал долину Иравади. А если взглянуть на карту, то становится ясно, какую роль играла эта река, одна из крупнейших в Азии.

Иравади берет начало в Южном Китае и впадает в Бенгальский залив. В устье Иравади стекались пряности с островов Южных морей, опалы с Цейлона, целебные рога носорогов и ткани из Шривиджайи, олово, свинец, серебро и сандаловое дерево из Малайи. Сама Бирма была богата драгоценными камнями, тиковым деревом, из нее в Китай и в другие страны поступали и прирученные слоны – их в Бирме было великое множество, нефть – уже с паганских времен по берегам Иравади добывали ее в глубоких колодцах. В самом Пагане и в южных, монских провинциях жило немало богатых купцов и менял, делавших крупные пожертвования буддийским монастырям и пагодам.

Вверх по Иравади торговые суда плыли через все Паганское государство до северных гор. Там товары грузили на слонов и лошадей, и караваны горными тропами пробирались в Южный Китай.

Торговый путь следовало охранять. Это и было заботой паганских королей.

Судя по хроникам, король Алаунситу (Кансу I) (1112–1167) провел первые годы царствования в походах, усмиряя непокорные окраины государства. Через несколько лет он отправился в морское путешествие, попал на Цейлон, побывал в Малайе. Затем он двинулся на север и по торговому пути добрался до государства Наньчжао, на юге Китая. Там Алаунситу пытался добыть священную реликвию – зуб Будды, но зуб королю не отдали. Собственную страну этот неутомимый путешественник изъездил вдоль и поперек. Следы того – многочисленные пагоды, построенные им в самых различных уголках королевства. К тому же он был страстным охотником и более всего любил охотиться на слонов.

Время шло, и Алаунситу состарился.

События последних лет его царствования подробно описаны в хрониках. Из этих историй нас интересуют две.

В семьдесят пять лет король решил взять новую жену – принцессу из Южной Индии. Молодая жена, как гласит хроника, «заботилась о короле днем и ночью».

Естественно, старшие жены и принцы всполошились. Отец не только отказывался умирать, но и намеревался произвести на свет еще одного сына – от любимой, молодой и к тому же иноземной жены.

Ненависть к новой королеве проявилась довольно скоро. Однажды сыновья пришли к отцу – тот находился в тронном зале. С ним на троне восседала его молодая жена.

Следует сказать, что бирманский трон несколько отличался от европейских. Он представлял собой возвышение метра полтора высотой и диаметром около двух метров. За ним находилась «спинка», то есть богато украшенная стена, в которой была дверь. Через эту дверь

король, поднявшись по лесенке, входил на «сиденье» и садился, скрестив ноги. Рядом с ним могли уместиться несколько человек.

Когда принцы увидели, что молодая королева сидит на троне, они не смогли сдержать возмущения. Или не захотели его сдержать. Старший из сыновей, Миншинсо, отказался поклониться отцу и закричал:

– Я наследник престола! Как смеет эта развратница восседать надо мной и всеми министрами!

И пошел прочь из зала.

Король приказал сыну вернуться.

В дверях Миншинсо остановился и насмешливо сообщил, что ему неможется и потому он вынужден покинуть зал. За ним вышли его младшие братья. Кроме принца Нарату, рожденного от наложницы и потому «второстепенного». Очевидно, Нарату остался, чтобы выразить возмущение наглостью братьев.

Вскоре случился еще один скандал, на этот раз из-за фаворита. Король подарил этому молодому человеку одно из своих парадных одеяний. И тот, похваляясь им, пришел во дворец. Тогда принц Миншинсо сорвал с него одеяние.

– Ты недостойн носить его! Только мы, принцы крови, имеем на это право! – кричал он.

Старик вышел из себя.

– Здесь, – сказал он, – дарю и милую только я один. И если сын мой позволяет так себя вести, когда я жив, каким же он будет после моей смерти? Он начнет сводить счеты с братьями и сестрами, с моими верными министрами и губернаторами. Могу ли я оставить лису в этом курином царстве?

И тут же последовал указ: лишить Миншинсо всех его владений и заточить в тюрьму.

Гордого принца увели в тюрьму, но тут к королю бросились королева, мать Миншинсо, и ее родственники, умоляя простить виновного. В конце концов король смиростивился, вернул сыну его владения и богатства, но запретил жить в столице.

В течение нескольких лет опальный принц жил в своих землях, которые были велики и давали немалый доход. Он строил там плотины, рыл каналы – в общем, оставил о себе добрую память.

Алаунситу решил, что, избавившись от непокорного наследника, он найдет иного, более смиренного и любящего. А так как иноземная принцесса сына ему не принесла, он остановил свой выбор на послушном Нарату.

Королю уже была за восемьдесят. Все дела по управлению государством он передал Нарату. Новый наследник постепенно отстранил остальных принцев и всюду посадил своих людей. Король этого не замечал, он тихо угасал в своем дворце, наслаждаясь обществом индийской принцессы, еще более прекрасной, чем прежде.

В 1167 году Алаунситу серьезно заболел. Он был очень плох, и никто не верил, что он выживет. По приказу Нарату короля вынесли из дворца и положили в небольшом храме Швегу. В храме было прохладно и тихо, о короле забыли.

Алаунситу открыл глаза.

Над ним смыкался темный свод. Шепот слуг и врачей казался ему дыханием звезд.

– Где я? – спросил король тихо.

Никто не ответил. Шепот стих.

– Это не мой дворец, – произнес король громче.

Старый слуга склонился к уху своего повелителя.

– Это не дворец, – сказал он. – Но это святое место. Это храм Швегу.

– Кто придумал эту дурную шутку? – Старик приподнялся на локте, и его глаза загорелись. – Кто решил избавиться от меня? Где моя любимая жена? Где мой верный сын Нарату?

– Это приказ твоего сына Нарату, великий король, – сказал слуга.

– Не может быть! – закричал старик, но понял, что – может. Он уже никому не нужен.

Король велел призвать Нарату, чтобы объявить ему о лишении титула наследника престола. Наследником будет Миншинсо.

Но прежде чем послать гонца к Миншинсо, придворные кинулись к Нарату. Они понимали, что болезнь короля отступила лишь на время, все равно ему не жить. Но если он протянет еще хоть несколько дней, Миншинсо успеет вернуться в столицу и завести порядки, которые вряд ли обернутся добром для Нарату и его друзей.

Нарату это тоже отлично понимал.

Он вбежал в затихший храм. Лишь тяжелое дыхание Алаунситу слышалось в нем.

– Уходите все, – приказал Нарату. – Мне надо поговорить с королем наедине.

Алаунситу, который после вспышки гнева почувствовал глубокую слабость, попытался остановить придворных, но те знали, кому подчиняться. Храм опустел.

Когда последние шаги затихли и дверь затворилась – лишь лучи света, падавшие из маленьких окошек, освещали пустой зал и невысокое ложе, – Нарату подошел к отцу. Старик лежал неподвижно, лишь пальцы его судорожно сжимали край покрывала. Он испуганно глядел на сына.

Нарату спешил. Он рванул покрывало, но сухие старческие пальцы не выпускали его.

Нарату навалился на старика. Борясь, они упали на пол. Нарату нащупал горло короля...

Когда дверь храма распахнулась и, оттолкнув перепуганных слуг, в зал вбежала молодая королева, было уже поздно.

– Отец умер, – сказал Нарату и быстрыми шагами вышел из храма.

Придворные испуганно расступились, Нарату шел словно сквозь коридор растерянных взглядов. Он им никогда не простит ни этих взглядов, ни этого страха, за которым скрывалось знание того, что произошло.

Ночью, загнав коня, во дворец к Миншинсо ворвался человек из Пагана. Он сообщил ему, что отец мертв. Наутро Миншинсо с отрядом всадников двинулся к Пагану. Правительственные войска в растерянности отступали. Для всех истинным королем был Миншинсо.

Нарату понял, что ему грозит гибель. Он призвал к себе главу буддийской церкви Пантагу и начал умолять, чтобы тот примирил его со старшим братом. Пантагу оказался в затруднительном положении. Он знал, что собой представляет узурпатор, но как буддийский монах почитал своим долгом установить мир в стране. Он согласился выполнить просьбу Нарату, но при условии, что тот торжественно поклянется уступить трон старшему брату. В присутствии монахов Нарату поклялся, что уступает престол и что Миншинсо невредимым войдет в королевский дворец. После этого Пантагу отправился навстречу Миншинсо и пригласил его в столицу. У ворот Пагана Нарату встретил брата и принес клятву верности. Миншинсо на белом слоне, под белым зонтом, как и положено королю, подъехал к дворцу, и Нарату помог ему подняться на трон.

Вечером состоялся пир. Братья сидели рядом, и оба делали вид, что скорбят по безвременно усопшему отцу.

Через час после окончания пира Миншинсо почувствовал себя плохо. Той же ночью в страшных мучениях он умер. Он был отравлен.

Утром возмущенный Пантагу бросился к Нарату. Его речь воспроизводится в «Хронике стеклянного дворца».

– Проклятый король! – кричал старец. – Гнусный король! Разве ты не боишься адских мук? Ты забыл, что и тебе предстоит состариться и умереть, подобно прочим людям? Нет на всем белом свете короля более злокозненного, чем ты!

Нарату усмехнулся и спокойно ответил:

– Ты не прав, старец, я не нарушил клятвы. Разве я не ввел брата во дворец и не посадил на трон?

– Ты недостойн жить среди людей, – сказал Пантагу и, как сообщают хроники, вскоре отплыл на Цейлон. Бирма осталась без главы церкви.

Вслед за ним на Цейлон отправились и прочие ученые монахи.

Злодеяния короля Нарату не поддаются описанию. Авторы хроник, обычно весьма сдержанные, обрушивают на Нарату весь свой гнев. Оказывается, что в предыдущем своем существовании Нарату был не человеком, а злым демоном. В число многочисленных жертв узурпатора они включают его невесту и ее родственников. «Его королевы, служанки, наложницы дрожали при виде его и ненавидели короля и проклинали его от всей души. Все обитатели королевства трудились с утра до вечера, но все, что они получали, у них отбирали, много людей умерло, деревни были разрушены, разрушены были и крепости». Так говорит одна из хроник.

«Даже великий храм Дхаммаянджи, который должен был стать королевской “заслугой”, не был завершен, несмотря на то, что строители трудились день и ночь». Запомним эти слова хроники.

Следующее преступление Нарату описано в хрониках с излишним натурализмом. Но что поделаешь – в те времена нормы стыдливости были несколько иными.

А произошло вот что.

Индийская жена Алаунситу осталась жить при дворе. Нарату заставил индианку разделить с ним ложе и не отпускал от себя ни на шаг. И вот однажды... Далее передаю слово хронисту: «Она узнала, что, когда король идет в уборную, он не берет с собой воду, чтобы вымыть руки. И к тому же ей стало известно, что король не моется перед исполнением своих мужских обязанностей. Индианка была столь возмущена такой нечистоплотностью, что не смогла скрыть от короля своего отвращения и отказалась от близости с ним. Короля это так взбесило, что он выхватил меч и зарубил ее насмерть».

Весть о том, что его дочь погибла, докатилась до индийского царя. Страшный гнев охватил его. Он призвал к себе восьмерых отважных и преданных воинов и сказал так:

– Переоденьтесь брахманами и идите к тому королю, который убил мою дочь. И убейте его. Когда вы совершите эту казнь, убейте этими же мечами друг друга. И будьте уверены, что я достойно позабочусь о ваших осиротевших семьях.

Витязи переоделись странствующими брахманами, спрятали под одеждой мечи и отправились исполнять приказание. Им удалось проникнуть во дворец и даже получить аудиенцию у Нарату. Они приблизились к королю, выхватили мечи и зарубили его. А затем зарубили друг друга.

Нарату, «плохой король», продержался у власти четыре года – с 1167 до 1171-го. Когда он погиб, ему было сорок девять лет.

На престол воссел его сын Наратейнка. У него было три королевы, утверждают хроники, любил он их всех одинаково и потому старательно следил за тем, чтобы и слонов, и дворцов, и музыкантов у них было поровну.

Любовь сразу к трем женщинам опасна. В конце концов обнаруживается, что любить трех – значит не любить ни одну. И можно предположить, что Наратейнке хотелось настоящей любви.

Как-то королю подарили юную девушку, которая ему не понравилась, потому что была слишком юна, костлява и голенаста. И уши ее торчали в стороны. Сообщив об этом со смехом окружающим, Наратейнка отдал ее своему младшему брату Нарапатиситу.

Младший брат жил с матерью, и та, полюбив девочку, не только научила ее всему, что положено знать и уметь наложнице, но и подрезала ей уши.

Далее все было как в сказке.

Король увидел наложницу младшего брата, уже расцветшую и прекрасную, и возжелал ее. Чтобы овладеть ею, он решил отправить брата подальше и потому приказал ему подавить восстание, вспыхнувшее в горах. Брат взял войско и двинулся в поход, а король тут же приказал

привести к нему красавицу с подрезанными ушами. Но Нарпатиситу перед отъездом призвал к себе верного слугу Нга Пью и сказал:

– Если случится что неладное, бери моего любимого коня Тудо, которого я оставляю тебе для этой цели, и скачи ко мне.

Пока король развлекался с красавицей, Нарпатиситу добрался до места назначения и там обнаружил, что никакого восстания нет.

А верный слуга поскакал к своему господину. Ехал он весь день, устал и, когда начало смеркаться, остановился переночевать.

Нга Пью не знал, что был совсем рядом с лагерем Нарпатиситу. Пока он спал, конь пасся в лесу. Почуввав, что близко его господин, он помчался к шатру принца.

Ночью Нарпатиситу проснулся оттого, что рядом ржал его любимый конь. И понял, что в столице случилось несчастье.

А утром, не найдя коня, Нга Пью пешком за полчаса добрался до лагеря принца. И все ему рассказал.

Принц выслушал слугу и пришел в ярость. Гнев его был обращен как против старшего брата, так и против Нга Пью.

– Как ты смел спать рядом с лагерем! Мы потеряли несколько драгоценных часов!

И тут же зарубил своего верного слугу.

Затем он повернул войско назад и выслал разведчиков, которые должны были проникнуть во дворец и убить короля.

Король долго бегал от убийц по помещениям дворца. Наконец заперся в уборной, но его отыскали и там. И зарубили, хотя он молил даровать ему жизнь и обещал верно служить брату.

Это случилось в 1174 году. Значит, Наратейнка успел пробыть на троне три года.

Нарпатиситу взошел на престол, провозгласил своей главной королевой красавицу с подрезанными ушами и благополучно царствовал тридцать пять лет.

Такова версия бирманских хроник о событиях 1167–1174 годов.

Однако эти сведения вызвали у ученых сомнения: так ли было на самом деле?

Уже внимательное чтение самих хроник дает повод для недоумения.

Про всех королей паганской династии подробно рассказывается, какие они осуществили реформы, какие пагоды и храмы построили, какие богоугодные дела совершили, где прорыли каналы и какие воздвигли плотины, с кем воевали и с кем заключали договоры. Это естественно – такова королевская служба. Ничего подобного о Нарату и Наратейнке не сообщается. Есть только перечень беззаконий и описание любовных историй, аналоги которым нетрудно отыскать в фольклоре.

Но даже не это главное.

Обнаруживается, что надписи того времени и археологические данные радикально расходятся с хрониками – единственный раз за всю историю государства. Двести пятьдесят лет истории Пагана отражены в хрониках достоверно, а семь лет – неправильно.

Из надписей известно, что храм Дхаммаянджи возводился королем Имто Сьяном, который наследовал Кансу I (Алаунситу). Но храм начали сооружать в 1165 году, и в том же году строительство было прервано. Значит, Алаунситу не дожил до 1167 года, как утверждают хроники: уже в 1165 году престол занимал другой король.

В так называемой надписи на горе Тицо приводится список паганских королей – правда, без дат царствования. В этом списке за Кансу I следует Имто Сьян, а за ним сразу – Кансу II, другое имя которого было Нарпатиситу. Таким образом, даже если Имто Сьян – это Нарату, то никакого Наратейнки вообще не существовало.

Наконец, еще одно соображение. В течение всего XII века в Пагане земельные сделки и результаты судебных процессов, касающихся владения землей, фиксировались на камнях – так было надежнее, чем на бумаге. Камни эти ставились на той земле, которая была объектом

сделки. Надписи обычно датированы, и чаще всего в них указано имя короля, при котором сделка совершена. Таких надписей сотни. А вот с именами Нарату и Наратейнки нет. Правда, нет и надписей с именем Имто Сьяна.

Последнее соображение. Строительство большого храма – дело престижное, государственное. Прервать его могло лишь страшное бедствие. Даже если бы Имто Сьян просто умер, процарствовав совсем немного, его преемник обязательно бы завершил сооружение храма – это важная заслуга в понимании буддиста. А храм Дхаммаянджи не был завершен. Значит, не только с Имто Сьяном что-то случилось. Случилось со всем государством. И событие это было настолько трагическим и, очевидно, неприятным для потомков, что о нем вообще следовало забыть.

Но что могло произойти в Паганском государстве?

Эта загадка так и осталась бы неразрешенной, если бы на помощь не пришли хроники Цейлона (Шри-Ланки), государства, тесно связанного с Паганом торговыми и религиозными узами. Именно туда уехал Пантагу, а за ним и другие буддийские монахи.

В цейлонской надписи Деванагала, относящейся к концу XII века, говорится: «Человек по имени Бхуваннадита, царь Араманны, сказал: “Мы не будем заключать договор с островом Ланка...” И тогда его величество король Ланки скомандовал: “Погрузите людей на тысячу кораблей и пошлите их в поход на Араманну”. Полководец Кит Нуварага, подчинившись этому приказанию, отплыл к Араманне, взял штурмом город Кусумья, и через пять месяцев король Араманны направил послов со словами: “Мы заключим договор”».

Араманна в цейлонских текстах – Паган. Кусумья – город Бассейн, южный морской порт Бирмы. Надпись сообщает о событиях 1165 года. Именно того года, когда было внезапно прервано строительство храма Дхаммаянджи.

Эти события описаны несколько подробнее в цейлонской же хронике Чулавамса.

Чулавамса сообщает, что некий паганский король вдвое поднял цены на слонов, которыми Бирма торговала с Цейлоном. И запретил, хотя это и было принято, отдавать слона за каждое судно с грузом, пришедшее с Цейлона. Цейлонские послы, которые ехали в государство Ангкор, были арестованы на побережье Тенассерима, то есть на юго-востоке Паганского государства. Цейлонская принцесса, которая плыла в Ангкор, чтобы выйти замуж за тамошнего короля, была перехвачена и увезена в Паган.

Последнее было прямым вызовом цейлонскому королю Параккама Баху I (1153–1186).

Очевидно, за этими событиями скрывается сложная политическая игра, связанная с Великим торговым путем. Цейлон, ранее союзник Пагана, вступает в дружественные отношения с государством кхмеров – Ангкором. Ангкор, восточный сосед Пагана, претендовал на южные области Бирмы и, судя по камбоджийским хроникам, даже одно время владел тем самым Тенассеримом, где бирманцы арестовали цейлонских послов. Так что посольство, которое оказалось именно в спорных, пограничных с Ангкором местах, и принцесса, которую послали старому противнику Пагана, никакой радости в Пагане не вызвали. Паган не хотел оказаться меж двух огней.

Цейлон принял вызов, и там стали готовить флот вторжения.

Как правило, в Пагане первые годы после воцарения нового короля проходили в подавлении мятежей – как провинциальных, так и поднятых королевскими родственниками. У королей было несколько жен, множество наложниц и, разумеется, немало сыновей, и обойденные властью обычно не соглашались с тем, что престол должен принадлежать именно тому, кому достался. Их сопротивление должно было возрасти, если рассказ хроник о смерти Кансу I отвечал действительности и Имто Сьян был отцеубийцей.

Следовательно, цейлонцы, которые к тому же получили информацию о положении дел в Пагане от Пантагу и других монахов, знали, в какой момент ударить.

Вот что сообщает хроника Чулавамса о дальнейших событиях.

Флот был снаряжен за пять месяцев. На корабли был погружен годовой запас продовольствия и оружие, включая стрелы с тяжелыми железными наконечниками – специально для борьбы со слоновьей кавалерией (элефантерией). Были взяты даже лекарства от лихорадки, что свирепствовала в низинах Южной Бирмы, и средства против яда, которым бирманские воины смазывали свои стрелы.

Не все корабли добрались до Бирмы. Некоторые утонули, попав в шторм, один пристал к Андаманским островам, и его экипаж захватил там много рабов. Военачальник по имени Китти высадился в Бассейне и взял его. А другая группа войск поднялась вверх по Иравади и захватила Паган. Король был убит. Затем под треск барабанов цейлонцы провозгласили конец бирманского государства и присоединение его на вечные времена к Цейлону.

Дополнительные сведения содержатся в одной кхмерской надписи, где говорится, что войска Ангкора захватили Тенассерим и оккупировали область Пегу – это Юго-Восточная Бирма. Обладание южными портами Пагана означало контроль над торговым путем.

Надписям следует верить. А если так, то в 1165 году или чуть ранее престол в Бирме занял Имто Сьян и, борясь с мятежниками и соседями, начал сооружать храм Дхаммаянджи. В том же году он вступил в конфликт с процейлонской группировкой – так можно трактовать бегство монахов на Цейлон. Разразилась война на два фронта – с Цейлоном и кхмерами. Паганское государство было побеждено, а сам король погиб. Разумеется, строительство храма было прервано.

Но что случилось потом? Господство Цейлона над Паганом не могло быть длительным. Как намеревались цейлонцы держать в руках большое государство, отделенное от них морем? Иное дело, если в этом предприятии участвовали кхмеры: у них была возможность ввести в Бирму более значительные силы.

Бирманский историк Тан Тун полагает, что вплоть до 1174 года в Бирме сидел цейлонский наместник. И именно этот факт был настолько возмутителен и унизителен для авторов хроник, что они пошли на подлог и ввели вместо наместника двух вымышленных королей.

Мне трудно согласиться с Тан Туном. Против него – исторический прецедент. В те времена и в том регионе происходило немало войн, и войска одних государств занимали столицы других. Но никогда или почти никогда не наблюдалось прямого подчинения, даже если враждующие государства были соседями. Куда проще было посадить на престол своего ставленника из местной знати. А он держался за власть с помощью завоевателей, иначе бы его свергли. Сам собирал налоги, содержал армию. Иногда такие марионетки восставали против своих благодетелей – очевидно, в Бирме это случилось не сразу. Посадив на трон одного из принцев, вернее всего Наратейнку – сына убитого Имто Сьяна, цейлонцы оставили в Пагане гарнизон, который мог рассчитывать на помощь кхмеров, обосновавшихся на юге страны. Именно поэтому унижение Пагана растянулось на несколько лет. И лишь в 1174 году Кансу II сумел вернуть стране независимость и изгнать врагов.

О том, что бирманский престол занимал ставленник цейлонцев, говорит фраза в цейлонской надписи: «Через пять месяцев король Араманны сказал: “Мы заключим договор”. Договор, очевидно, выгодный для Цейлона.

Марионетки и коллаборационисты никогда не пользовались уважением потомков. И бирманские хроники следовали этой традиции.

Но намеки на действительные события в них проскальзывают. Например, в них говорится, что король Нарату был убит иностранцами.

Разумеется, при нехватке письменных источников всегда остается возможность ошибки. А единственный доживший до нас участник тех драматических событий – храм Дхаммаянджи – молчит.

Судьба Ангкорской империи сложилась иначе, чем судьба Пагана.

Паган никогда не переставал быть важнейшей частью бирманской истории. Ангкор же канул в небытие.

Паганское королевство погибло в конце XIII века. Но Бирма осталась. Остались бирманцы, осталась религия – буддизм-хинаяна. Остались принципы государственной власти и структура общества, сохранилась непрерывная последовательность сменявших друг друга государств и столиц. Паган был гордой памятью о прошлом и источником легенд.

Тому целый ряд причин.

Во-первых, бирманцы никому вплоть до конца прошлого века не уступали власти в своей стране.

Во-вторых, Бирма ограждена с суши горами, и потому внешнее влияние на нее ограничено.

В-третьих, Паган был первым большим государством в стране, все остальные – его продолжение.

На территории нынешней Камбоджи история текла иначе.

Занимая юг Индокитайского полуострова, Камбоджа географически составляет часть обширной холмистой равнины, и никаких серьезных преград между нею и соседями не существует.

Кхмеры, обитатели тех мест, жили в тесном общении с соседними народами, и центры политического господства то и дело перемещались. Господство кхмеров – лишь один из исторических эпизодов. До них этой областью правили цари Фунани, короли Шривиджайи, Тямпы, Ченлы и других государств, некоторые из них оставили в истории лишь свое имя. После падения империи, созданной кхмерами, там властвовали тайские короли. Перемена власти вела и к переменам идеологическим.

Правда, можно проследить известную преемственность: уже в раннем Средневековье тут, как и в европейском феодальном обществе, действовали правила династийной общности сменявших друг друга государств. Происхождение от «лунной» и «солнечной» династий древней Фунани было важным фактором при выдвижении притязаний на власть. Мельчая, скрываясь на Яве или правя кучкой деревень на окраине страны, потомки древних царей ждали своего

часа. Они надеялись вернуться к власти с помощью выгодного брака, сильных родственников или союзников. И для этого имелись веские основания.

Цари и князья меняли религию в зависимости от своих политических интересов. Чаще всего они были вишнуитами или буддистами-махаянистами (северного толка). Эти верования пришли из Индии на рубеже нашей эры вместе с индийскими торговцами, авантюристами и брахманами. Но население тех мест исповедовало в основном анимизм, перемены в идеологическом окружении того или иного властителя мало кого интересовали.

В текущем, неустойчивом мире, границы которого менялись в зависимости от баланса сил между царями и князьями, где верхушка общества поклонялась одним богам, а само общество – иным, и возникает Ангкорская империя...

Сто лет назад французский натуралист Анри Муо, путешествуя по Центральной Камбодже, прослышал о том, что в глубине леса стоит «затерянный город». Католический миссионер, который видел развалины, утверждал, что они невероятно велики. Муо заинтересовался и предложил ему отправиться в лес.

Сначала они шли несколько часов по узким тропинкам, потом пробирались через чащу и наконец, когда Муо уже совсем обессилел, оказались на прогалине. Среди толстых стволов и густой поросли бамбука он увидел огромные каменные глыбы, раздвинутые корнями деревьев. Некоторые башни поднимались выше самых высоких деревьев.

До сумерек Муо и его спутник, забыв об усталости и жаре, осматривали развалины, но оценить их размеры и значение Муо не смог. И это не удивительно: самый большой в мире мертвый город занимает площадь во много десятков квадратных километров. Его значение и масштабы стали ясны лишь после того, как в течение многих лет экспедиции археологов работали там, расчищая лес и составляя план города.

Поверить в Ангкор было трудно, так как народ, некогда воздвигший его, впоследствии не создал ничего подобного или даже похожего. Не было аналогий Ангкору и в других странах.

Постепенно история Ангкорского государства была восстановлена по надписям, археологическим раскопкам и летописям соседних государств. И вот что нам теперь известно.

Кхмерское государство было в очередной раз возрождено в начале IX века принцем, приплывшим с Явы. Этот принц принадлежал к «солнечной династии», и, очевидно, при нем и было принято название страны – Камбуджа.

Царям кхмеров подчинялась лишь часть современной Камбоджи, но претензии у них были велики. Хотелось сравняться могуществом с соседними государями, куда более сильными. И вот в 822 году впервые был совершен священный обряд, призванный объявить всему миру, что отныне Камбоджей правит живой бог. Более того, кхмерский царь объявил себя чакравартином – завоевателем вселенной. Был даже избран брахманский род, члены которого, наследуя друг другу, должны были исполнять функцию верховных жрецов при живых богах.

После этого история Камбуджи, или Ангкорской империи, шла замысловатыми зигзагами. То государство распадалось на несколько княжеств, то в него вторгались армии соседней державы Тямпы, то оно попадало в зависимость от Шривиджайи, то само покоряло окрестные земли. Но что бы ни случилось с Камбуджей, все ее властители считались живыми богами и независимо от того, была ли там в чести буддийская религия или индуизм, главным в стране оставался культ дэвараджи – бога-царя.

Для того чтобы этот культ укрепить, создавались многочисленные храмы и монументы, строились новые столицы. Если паганские короли (да и то далеко не все) ограничивались строительством одного большого храма, то цари Ангкора старались превзойти друг друга в грандиозности и числе сооружений, призванных возвеличить самого властителя или его предков.

Рекорд в этом отношении побил царь Сурьяварман II, который умер в 1150 году, разорив страну бесконечными войнами и грандиозным строительством. Именно при нем был сооружен знаменитый храм Ангкор-Ват, тот самый, который откроет через семьсот лет Муо.

Ангкор-Ват был построен с единственной целью – восславить навечно бога-царя Сурьявармана, о котором сегодня помнят лишь несколько историков и искусствоведов.

Что же это такое – Ангкор-Ват?

На углах прямоугольной каменной платформы размерами сто на сто пятнадцать метров и высотой тринадцать метров поднимаются четыре башни, сходные с обрезанными снизу початками кукурузы, высотой с двадцатипятиэтажный дом каждая. В центре платформы стоит главная башня, значительно более высокая. Все это гигантское сооружение покоится на мощном основании, обнесенном высокой стеной с крытыми галереями. Вокруг – лес колонн, а за ними внешняя стена, длина каждой стороны которой – километр. И это еще не все: за внешней стеной находился ров шириной почти в двести метров, выложенный каменными плитами.

Все каменные плоскости украшены барельефами и орнаментом. Если к тому же учесть, что основные башни Ангкор-Вата были позолочены, а все стены и барельефы раскрашены, то можно себе представить, какое изумительное зрелище являл собой этот храм.

Вокруг Ангкор-Вата был расположен правильно спланированный город с миллионным населением, вокруг и внутри которого стояли храмы, посвященные предыдущим царям-богам или их предкам. Некоторые ветшали в небрежении, ибо принадлежали представителям другой династии или узурпаторам, другие подновлялись.

Вокруг, за полями, каналами и водохранилищами, расстилались бесконечные тропические леса. И ждали, когда уйдут люди, когда забудутся имена спесивых владык и можно будет спокойно поглотить город и храмы.

Сурьяварман, создатель Ангкор-Вата, был индуистом и почитал себя воплощением бога Вишну. Человек, о котором пойдет речь, ибо его жизнь пересекла то мгновение в истории человечества, что условно зовется 1185 годом, царь Джаяварман VII, был буддистом-махаянистом.

Сурьяварман II умер в 1150 году.

Его наследник принял разоренную войнами и гигантскими строительными причудами страну, которой дорого обошлась имперская политика.

Такое случалось и будет случаться в истории. В XVI веке Португалия станет мировой державой и ее колонии многократно превзойдут метрополию размерами и населением. Выкачивая из колоний золото и пряности, Португалия в то же время станет беднеть. Ее солдаты и моряки погибнут в джунглях Бразилии и у берегов Китая, золото и пряности сожрет политика завоеваний – стремление раздвинуть границы империи. А когда в Европу придет капитализм и поднимутся новые нации, они легко оттеснят Португалию. Общественные и экономические отношения в этой империи закиснут – сил для развития не останется.

Подобная беда постигла и Ангкорскую империю.

Преемник Сурьявармана продержался на престоле десять лет. Строительство при нем велось в меньших масштабах: царь старался удержать в руках то, что завоевал его предшественник. Но это ему не удавалось. Государство катилось к распаду. И вскоре начались крестьянские восстания, религиозные войны, сепаратистские выступления, заговоры и борьба кланов. Ни одной надписи не дошло до нас от этого десятилетия – люди жили только сегодняшним днем, уже не веря, что когда-нибудь наступят более спокойные времена.

Джаяварман VII был законным наследником престола, старшим сыном царя. Но, когда его отец умер, он отказался от власти в пользу своего младшего кузена. Иное решение повлекло бы за собой гражданскую войну, а принц полагал, что страна и без того сыта войнами.

Он уехал из столицы.

Вскоре после этого страну охватило крестьянское восстание Бхарата Раху, и, прежде чем его подавили, прошло несколько лет. Одно время повстанцы даже осадили столицу.

Восстание настолько ослабило империю, что от нее отпали вассальные государства, и в пределы Ангкора начали вторгаться враги.

В этой обстановке произошел дворцовый переворот, и царь был свергнут. К власти пришел один из придворных.

Узнав о перевороте, Джаяварман решил предотвратить новые несчастья, грозившие стране, и поспешил в столицу. Но, когда он подступил к ее стенам, оказалось, что его кузен уже убит, а узурпатор твердо уселся на троне.

И вновь Джаяварман мирно уходит в тень. Он не хочет крови. Ему уже под сорок.

У Джаявармана мужественное лицо. Широкое, с выступающими скулами, с выпуклым широким лбом. Под размахнувшимися густыми бровями чуть раскосые большие глаза, нос широкий, ноздри раздуты, очень большой рот с умеренно толстыми, четко оформленными губами, уголки которых опущены, отчего выражение лица кажется несколько презрительным. И крутой, упрямый подбородок. Лицо красивое, энергичное, лицо вождя, а не отшельника.

Узурпатор продержался на троне двенадцать лет. Он жестоко подавил крестьянские восстания, казнил недовольных вельмож, но тут на страну навалилось новое несчастье: соседнее государство Тямпа, которое неоднократно становилось вассалом Ангкора, воспользовалось ослаблением кхмеров и не только вернуло себе независимость, но и начало наступать на Ангкор. Тямский царь пригласил китайских военачальников, которые перестроили и перевооружили его войско, в частности сформировали отряды конных лучников. Армия тямов вторглась в пределы Ангкорской империи и год за годом все более теснила кхмеров.

Ангкор сопротивлялся несколько лет, но ресурсы государства были истощены, и в 1177 году тямский флот под командованием китайцев подошел по внутренним водным артериям к стенам ангкорской столицы. Этот удар был неожиданным. Столица после недолгого сопротивления пала, узурпатор был убит. Впервые по улицам Ангкора шли алчные завоеватели, впервые они врываются в его храмы, оскверняя гробницы кхмерских царей и разбивая статуи.

Когда тямы наконец покинули страну, Ангкорской империи фактически не существовало.

И тогда вельможи и монахи из разграбленной столицы отправились на север, где в своем имении жил постаревший Джаяварман, проводя время в сельских занятиях и за чтением мудрых книг.

Они бросились в ноги Джаяварману – он был их последней надеждой. Он был единственным бескорыстным и уважаемым князем. Поддавшись уговорам, поверив, что его долг спасти Ангкор, который стоит на краю гибели, Джаяварман принялся энергично организовывать сопротивление врагам.

Война продлилась еще четыре года. Были поражения, отступления, но кхмеры понимали, что мир может наступить только в случае победы над тямами – пощады от них ждать не приходилось.

Джаяварман решил нанести врагам удар там, где они чувствовали себя неуязвимыми, – Тямпа была морской державой, и флот ее господствовал у берегов Индокитайского полуострова. Джаяварман понимал, что до тех пор, пока господство на море не будет отнято у тямов, их не удастся победить: неприятельский флот всегда сможет оказать поддержку своим войскам. К тому же тямы блокировали порты кхмеров и прервали торговлю Ангкора с другими странами.

На реках и озерах Ангкора спешно в строжайшей тайне сооружались боевые корабли. Так как верфи были разбросаны в разных местах, тямские лазутчики не смогли оценить масштабы этого предприятия.

Когда флот был построен, Джаяварман приказал посадить на корабли лучших воинов и вывести половину флота в море. На этот раз все совершалось открыто, с шумом, празднествами – царь хотел, чтобы обо всем узнали тямы.

Те узнали.

И были удивлены, но не испуганы, так как их силы превосходили ту часть кхмерского флота, которую царь решил «обнародовать».

Когда же до Ангкора докатились вести о приближении тямской армады, Джаяварман повелел вывести в море и те корабли, что были спрятаны на реках.

В 1181 году произошло грандиозное по тем временам морское сражение. Каким оно было, можно увидеть и сегодня – на барельефах ангорского храма Байон. Тямский флот был уничтожен.

Это сражение, в ходе которого погиб царь Тямпы, предопределило исход войны. Тямское войско начало отступать, и был подписан мирный договор.

На этот раз Джаяварман не уехал в свои имения. В конце 1181 года он был коронован под именем Джаявармана VII.

Первые годы его правления ушли на подавление восстаний и волнений в дальних провинциях, а когда в стране воцарился мир, Джаяварман приступил к восстановлению столицы. Это было естественно, но Джаяварман пошел дальше всех своих предшественников.

Немалых средств и усилий потребовало возрождение ирригационных систем и водохранилищ, ремонт плотин и каналов, разрушенных за время двадцатилетней смуты. Но без возрождения хозяйства попросту не было бы средств для исполнения широкой программы, задуманной Джаяварманом. Ведь завоевательных войн Ангкор тогда не вел, царь отказался от них.

Отстроив разрушенную тямами столицу, Джаяварман обнес ее стометровым рвом и каменной стеной высотой восемь метров: он надеялся, что такие укрепления будут не по зубам врагу, даже если он сможет добраться до Ангкора. Сохранились мосты через рвы, каждый шириной пятнадцать метров. На обеих сторонах моста сидят по пятьдесят четыре каменных гиганта, которые держат на руках огромную каменную змею – она и служит перилами.

Ров и внешняя стена города достигают в длину тринадцати километров. Но ограниченная ими территория – лишь религиозный и административный центр столицы. Горожане жили за ее пределами, в кварталах, тянувшихся вдоль каналов.

Одновременно Джаяварман наводил порядок во всей империи. Были проложены широкие мощеные дороги, связавшие столицу с провинциальными центрами. Они шли по высоким насыпям, так, чтобы в половодье вода не достигала дорожного полотна.

«Дорога дружбы», соединившая Ангкор со столицей Тямпы, тянулась на семьсот пятьдесят километров, а длина Южной дороги, петлей обегавшей приморские провинции, составляла девятьсот километров.

Но проложить дороги было еще полдела. Джаяварман решил позаботиться о тех, кто будет путешествовать по ним. Вдоль дорог были построены гостиницы, всего сто двадцать одна. Развалины пятнадцати гостиниц были найдены археологами. Все они сооружены по «типовым» проектам. Это каменные здания длиной по фасаду в пятнадцать метров. Внутри находились жилые помещения с очагами.

Следующий шаг Джаявармана был уж совсем необычным. Он приказал построить во всех провинциях империи больницы. Было построено более ста больниц. В надписи, найденной возле одной из них, приводятся слова Джаявармана, сказанные им о самом себе: «Он страдал от болезней своих подданных больше, чем от собственных, ибо горести народа, а не свои горести составляют заботу царей».

Было бы заблуждением полагать, что эти больницы представляли собой примитивные лечебные пункты, где знахарь выдавал снадобья страждущим. Сохранилось их «штатное расписание». В каждой работало девяносто восемь человек – врачи и обслуживающий персонал. Лекарства они получали с царских складов. К каждой больнице были прикреплены деревни, которые снабжали больных пищей, за что освобождались от налогов.

Пожалуй, подобного не сыщешь ни в одной средневековой стране.

Позабывшись о телесном здоровье народа, Джаяварман перешел к делам духовным. В столице и провинциальных центрах были открыты многочисленные школы для ремесленников и художников. При буддийских монастырях и независимо от них существовали школы, где преподавали философию, риторику и искусство поэзии. Была создана даже академия для женщин, которую возглавила жена Джаявармана Индрадэви, женщина мудрая и ученая. Ей принадлежат выбитые на камне слова о Джаявармане: «Он поднялся для того, чтобы спасти землю, отягощенную грехами».

В стране царит мир. Правит ею царь, который столько раз отказывался от власти и пришел на помощь народу лишь в час крайнего бедствия. Мудрая власть его – отеческая рука, простертая над миллионами подданных...

И самое удивительное, что все это – правда.

До определенного момента.

Метаморфоза, произошедшая с Джаяварманом, кажется удивительной, когда смотришь на те события с высоты столетий, и объяснения ей мы никогда не получим, так как надписи молчат об этом, современники не оставили воспоминаний, летописи соседних стран лишь упоминают о результатах событий, но не говорят о побудительных причинах. Так что мы можем только гадать.

До пятидесяти лет Джаяварман прожил в тишине своей добровольной ссылки. Истинный буддист, он отрешенно смотрел на мирскую суету современников. Можно предположить, что, будучи призван на царство и вступив в отчаянную схватку с тьмами, он почитал свои действия лишь выполнением долга и верил, что, добившись мира, вернется к покою отшельничества.

Но дальше действовала железная логика событий. Разгром тьмов еще ничего не решал. Оставить разоренную страну на милость корыстных вельмож значило погубить плоды всех своих трудов. Ясно было: пройдет несколько месяцев, и все вернется на круги своя. Гибель Ангкора станет неизбежной. И он, Джаяварман, будет виноват в том, что уклонился от тяжелой доли государя.

Джаяварман короновался. И старался быть идеальным буддийским монархом.

Но нельзя быть правителем государства, охватывавшего большую часть Индокитайского полуострова, занимаясь лишь строительством больниц и гостиниц. Снова зашевелились тьмы, к войне с Паганом толкал Цейлон, сложно складывались отношения с островной империей Шривиджайя. Внутри страны подняла голову оппозиция. Провинциальные князья, видя, что царь стар, исподволь подкатывались под трон.

К тому же Джаявармана окружали тщеславные жены и родственники, напыщенные брахманы, жрецы бога-царя, каковым он быть не желал...

Легко оставаться скромным буддистом, живя в отдаленном имении. Куда труднее, если ты вознесен на вершину власти и у твоих ног ползают князья и вельможи, перед тобой склоняют головы иностранные послы, а поэты создают тебе панегирики.

Неизвестно, произошла ли перемена в Джаявармане мгновенно и однажды утром он проснулся другим человеком или этот процесс шел постепенно – процесс превращения человека, чуждого тщеславия, в тирана, страдающего манией величия.

Можно примерно указать тот рубеж, после которого мы уже не видим прежнего Джаявармана. Это конец 80-х годов.

Почва для такого превращения была подготовлена традицией Ангкора, культом бога-царя. Культ личности как бы сидел в засаде, поджидая момента.

И дождался.

Старый царь провозгласил себя живым богом, земным воплощением бодхисаттвы Локешвары, будущим Буддой. И, разумеется, чакравартином – покорителем вселенной.

Джаяварман в одночасье забывает о собственных принципах. И на страну, лишь недавно вздохнувшую свободно и поверившую в приход счастливых времен, обрушиваются страшные бедствия. Царь собирает громадное войско и бросает его против Тямпы, шлет армию завоевывать Южную Бирму, покоряет княжества Южной Малайи.

Все эти действия уничтожили то, к чему он стремился ранее, и были сходны с попыткой рубить мечом жидкое тесто. Как только вытаскиваешь клинок, тесто смыкается. Тямпа была покорена, столица ее разрушена, и король привезен в цепях в Ангкор. Но через несколько лет оставленный там марионеточный властитель изгнал кхмеров.

Паган вернул себе южные провинции, да и малайские княжества вскоре забыли о кхмерском завоевании.

Но войны, которые будут идти без перерыва до самой смерти Джаявармана, – только одна часть беды. Вторая – безумное строительство сооружений, призванных возвеличить живого бога. Оно тоже будет вестись непрерывно до самой смерти Джаявармана.

Вчерашний благодетель обескровил государство. И трагедия усугублялась тем, что прожил Джаяварман удивительно долго. Судя по надписям, он умер лишь в 1218 году, дожив до девяноста лет.

Самым невероятным произведением Джаявармана стал храм Байон. Ничего подобного для прославления одного человека на Земле не делалось. Фантастическая изобретательность большого манией величия царя вызвала к жизни фантастическое творение зодчего.

В центре столицы было построено приземистое сооружение, состоящее из каменных галерей и низких залов. Все они богато украшены барельефами – удивительными по экспрессии сценами боев с тьямами. Куда ни посмотришь – кипит сражение. Гибнут корабли, крокодилы пожирают тонущих, слоны топчут воинов, люди убивают друг друга под деревьями и среди городских строений – голова кружится от бесконечного жестокого боя.

И на этом постаменте, воспевающем насилие, поднимаются к небу пятьдесят башен. Они стоят тесно, они подобны толпе гигантов, господствующих над городом. Каждая из четырех сторон каждой из пятидесяти башен представляет собой многометровое каменное лицо царя Джаявармана.

Двести лиц царя возвышались над столицей и отовсюду были видны – задумчивые, глядящие вниз, большеротые, лобастые, вечные.

Джаяварман не ограничился Байоном. Его лица глядели с въездных башен, на площадях и в храмах стояли его статуи.

Повелитель дряхлел. Но все новые и новые башни с его лицами воздвигались в империи, и лицо царя на них не менялось. Да и могут ли морщины избороздить лицо бога?

Давно уже перестали строить в Ангкоре больницы и гостиницы, прекратилось сооружение водоемов и каналов; каждый камень из каменоломен везли в город, чтобы положить в стену нового храма или новой башни.

Обезумевший от веры в собственное величие, впавший в маразм царь каждое утро садился в носилки, и его несли по строительным площадкам. И он смотрел, как поднимаются стены, и торопил зодчих: каждый храм был его божественной заслугой, царь старался заработать себе славу, достойную Будды.

Исследователи, изучая историю Ангкора, обратили внимание на то, что от многочисленных храмов и монументов, созданных в последние годы жизни Джаявармана, до нас почти ничего не дошло – только развалины. И когда они стали искать причину, обнаружилось, что эти здания были построены халтурно, на живую нитку. Видимо, архитекторы понимали, что от них никто не требует истинно великих произведений – нужно было одно: много, много, еще больше храмов!

...На следующий год после смерти Джаявармана его сын был вынужден окончательно вывести войска из Тямпы. Империя съеживалась. Ее дни были сочтены...

Японская империя развивалась в изоляции от остального человечества, прячась на краю света, за морем, на гористых островах, которые нередко трясло жестокими землетрясениями, а порой трепало свирепыми бурями.

Но изолированность Японии была относительна. За странными даже для соседей – китайцев и корейцев – обычаями скрывались те же самые закономерности развития общества, которые господствовали на всей планете, а за удивительным и нелогичным, с точки зрения европейца, характером японца таился тот же человек, что во Франции или Иране.

Контакты с материковой Азией существовали издавна. На западе Японии были целые районы, заселенные выходцами из Китая и Кореи. В течение всего первого тысячелетия нашей эры эти контакты развивались. К XII веку Япония уже постоянный торговый партнер Китая и один из важнейших истоков Великого шелкового пути.

Ко времени, о котором идет рассказ, китайская цивилизация во многом определила духовное развитие Японии, подарив ей множество изобретений и идей. Внешние влияния воздействовали на японское общество не напрямую. Чужой опыт и чужая мудрость переосмысливались – все становилось японским и порой неузнаваемым. Японская поэзия, соприкоснувшись с китайской, приобрела еще большую утонченность и лаконичность. Буддизм, пришедший из Индии, потеснил местную религию – синтоизм, но, будучи учением чрезвычайно гибким, впитал в себя древние верования и изменился, чтобы укорениться на японской почве. Быстро покоряя чуткие к изящному двор и знать столицы, новые веяния куда медленнее завоевывали японского крестьянина, охотника или воина северных провинций. За пределами городов существовал другой мир, созданный веками суровой борьбы с природой.

Средневековая японская империя была куда меньше современной Японии: северная оконечность острова Хонсю – самого большого из Японских островов – все еще оставалась пограничным краем, где укрывались банды изгоев и разбойников. Северный остров – Хоккайдо – был землей почти неизвестной и принадлежал бородатым айнам, поклонявшимся медведю.

Уже давно замечена закономерность: социально интенсивнее развиваются те народы, природные условия территории обитания которых суровее и разнообразнее. Разумеется, эта закономерность верна лишь до известных пределов: экстремальный климат, например, Гренландии или Сахары настолько подрывает экономические возможности развития, что цивили-

зации там как бы консервируются, тратя основные силы на то, чтобы выжить. Но природные условия Японии, с одной стороны, были достаточно приемлемыми, чтобы прокормить ее население и даже создавать прибавочный продукт, с другой – там ничто не давалось даром. За все приходилось платить – потом, кровью, риском. К тому же к XII веку обозначилась и значительная неравномерность в развитии областей Японии: юг был густонаселен, там существовали многочисленные города, развивались ремесла, но земельные наделы были невелики и оказывалось много лишних ртов. На севере и северо-востоке природа была злее, шло покорение новых земель – их отвоевывали у гор и лесов, у айнов. Там, вдали от столицы, вырабатывался особый характер – воина, свободного землепашца. И это тоже сыграло свою роль в истории Японии.

Императоры обитали в Киото – огромном деревянном городе с множеством богатых домов и дворцов, храмов и кумирен. Землетрясения, жестокий бич Японии, диктовали свои законы: легкий, почти невесомый деревянный домик с раздвижными перегородками не погубит хозяина, если обрушатся стены и крыша.

В Киото находился не только императорский двор, но и административный аппарат государства – множество чиновников и вельмож, проводивших жизнь у трона в надежде подняться по служебной лестнице, получить выгодную синекуру, заслужить земли и деревни. Там жили также оружейники, маляры, ткачи, вышивальщики, столяры, пекари, торговцы, менялы. Юноши обучались наукам и искусствам, купцы вели торговлю с заморскими странами. Из Китая и Кореи, из стран Юго-Восточной Азии шли шелка, парча, фарфор, чай, сандаловое дерево, изделия из меди, даже китайские медные монеты. Япония отправляла на материк золото и серебро и поделки из этих металлов, ремесленные изделия, а также оружие, в первую очередь мечи. У японцев был свой торговый флот, но чаще перевозками занимались китайцы.

А вокруг столицы, на холмах, в подступавшем к ее стенам лесу стояли буддийские и синтоистские храмы и монастыри.

Центром столицы был императорский дворец. Там обитал окруженный гордыми королевами и прекрасными наложницами, мудрыми вельможами и отважными полководцами абсолютный владыка государства.

Все делали вид, что это именно так.

На самом же деле императоры Японией в Средние века не правили. Государственные земли – а по закону все земли в стране были государственными – постепенно разбазаривались: надо было покупать верность вельмож, благосклонность фаворитов и монастырей. Государство постепенно теряло власть над землей, а значит, и над страной в целом. Быстрее всего этот процесс шел на окраинах, где феодалы, осваивая или завоевывая земли с помощью своих служилых людей – самураев, не желали делить доходы с императором. Формально императору продолжали поклоняться как священной особе. В действительности с ним не считались.

Поочередно реальную власть в стране завоевывали могущественные феодальные роды – Фудзивара, Тайра и Минамото. Все они находились в родственных отношениях с царствующим домом. Помимо жен, у императоров были еще и многочисленные наложницы, у всех рождались дети; принцев в Японии было так много, что еще задолго до описываемых событий были узаконены правила, в соответствии с которыми на пятом поколении царские отпрыски переставали считаться принцами крови, получали иное имя и становились рядовыми членами класса феодалов. Предками Тайра и Минамото были такие вот несостоявшиеся принцы. Они также плодились, делились на ветви и семейства. Например, клан Минамото включал тринадцать больших семейств, владения которых были разбросаны по всей стране, в основном на востоке и на севере. Клан Тайра состоял из четырех больших семейств. Клан Фудзивара пользовался большим влиянием в столице, и его члены занимали важные придворные и государственные должности; между тем мало кто из Тайра или Минамото служил при дворе – для придворных они были провинциальными варварами.

А двор в XII веке был декадентским, утонченным до женственности, щеголи даже ходили в женских одеждах, красили брови и чернили зубы, подобно женщинам, изысканность чувств и слезливость переживаний были законом, ухищрения придворного этикета были доведены до сложнейшей игры, нарушить правила которой считалось святотатством.

Чем могущественнее становились провинциальные феодалы, тем труднее было в этом жестоком мире уцелеть феодалам мелким. Их деревни грабили сильные соседи, на их дома нападали шайки бандитов. Для сельского жителя и мелкого феодала оставался единственный выход: отдаться под покровительство крупного князя, и чем больше сокращалось число независимых собственников, тем крепче становились Тайра и Минамото. Да и императоры, не надеясь на силу своей армии, выполнявшей в основном охранные функции, в случае беспорядков и волнений обращались к крупным князьям, чьи отряды были более боеспособны.

Существовали в стране и другие вооруженные формирования, многочисленные и воинственные, – монашеские дружины. На японской почве мирный буддизм претерпел невероятные изменения. А причиной тому послужили экономические факторы: монастыри скопили в своих руках громадные земли и богатства. Богатства надо охранять, крестьян надо заставлять работать – монастыри обзавелись своими собственными отрядами, причем монахи отлично владели оружием. Тысячи застоявшихся в сытой и спокойной жизни монахов готовы были по первому знаку подняться на бой. Монастыри были подобны ежам, ошестинившимся иголками. А так как любой богач стремится стать богаче, то монастыри боролись не только за сохранение накопленного, но и за расширение владений. Они воевали даже между собой.

Человеческая жизнь ценилась невысоко. Святой обязанностью воина было верно служить князю, который защищал и его самого, и его дом. Беспредельная преданность господину стала главным принципом кодекса чести, и готовность умереть за господина была возведена в высшую добродетель и опоэтизирована. Дети самураев с пеленок воспитывались на этих принципах. Буддизм отлично прижился в Японии, ему было легко приспособиться к феодальной морали: жизнь быстротечна, славная смерть улучшает карму и дает право надеяться на лучшую долю в будущем рождении.

Но нельзя забывать, что самурайская мораль была не столь обязательна при дворе, неприемлема для городских жителей и совсем чужда ремесленникам и крестьянам. Самурайский дух – не дух Японии, а лишь кодекс чести японских воинов.

В течение нескольких столетий в Японии главенствовал дом Фудзивара. Возвысившись уже в середине первого тысячелетия, Фудзивара далеко не сразу захватили власть. Сначала их главными соперниками были буддийские монахи, особенно в те годы, когда трон занимали императрицы, – как правило, при них влияние монахов было особенно сильным. В 781 году Фудзивара добились эдикта, запрещавшего женщинам занимать императорский престол.

Против власти Фудзивара стали подниматься другие феодальные кланы, чаще всего Тайра и Минамото. Но Фудзивара, занимавшие должности ближайших советников императоров, подавляли восстания Тайра с помощью Минамото, и наоборот. Правда, эти восстания не проходили бесследно для дома Фудзивара: победители обогащались за счет земель соперников, а Фудзивара были вынуждены еще и платить своим союзникам – опять же землями государственными или собственными. Неизбежно должен был наступить момент, когда провинциальные кланы станут угрозой для Фудзивара.

Еще в IX веке Фудзивара добились узаконения важной для их господства традиции: императоры должны были жениться лишь на девицах из этого дома. В каждом последующем императоре доля крови Фудзивара увеличивалась. К XII веку императоры по крови были чистыми Фудзивара. Но Фудзивара они себя не ощущали, а старались найти способ отделаться от постоянной опеки могучих родственников.

Остроумное решение принял император Сиракава в 1087 году. Четырнадцать лет он сидел на престоле, подчинялся Фудзивара и сильно недолюбливал их. Положение в стране ухудшалось, феодальные стычки и войны вскипали в разных ее концах, монахи полностью вышли из повиновения и даже вторглись в столицу Киото. Именно этому императору принадлежат печальные слова: «В моих владениях есть три силы, над которыми я не властен: это воды реки Камо, игральные кости и служители Будды».

В 1087 году Сиракава отрекся от престола и принял монашеский сан. Такое случалось и раньше, императоры уходили в монахи, устав от государственных дел либо не угодив Фудзивара. Но Сиракава не перебрался в монастырь, чтобы предаваться благочестивым размышлениям. Он попросту покинул императорский двор, передав трон своему сыну Хорикане, которому еще не исполнилось и десяти лет, и основал новый двор. Фудзивара были застигнуты врасплох. Один из них остался канцлером при малолетнем императоре, другие Фудзивара и их вассалы занимали все главные должности при дворе и формально оставались хозяевами в стране. В действительности же Сиракава стал теперь куда более значительной фигурой, чем раньше.

Все это произошло потому, что род Фудзивара уже был не всемогущ, как раньше, иначе хитроумный ход императора они пресекли бы в зародыше.

Императоры-иноки (когда Сиракава в 1129 году скончался, по его пути пошел император Тоба, процарствовавший в иноках тридцать три года) ищут союза с Тайра и Минамото, опираются на воинственные монастыри, собирают земли уже не как государственные, а как частные, «иноческие». В государстве отныне существуют две власти.

Император-иннок Тоба не выносил своего старшего сына Сутоку, царствующего императора. Он заставил его отречься от престола в пользу своего сына от любимой наложницы. Новому императору было всего два года. Сутоку ушел в монахи, и в стране стало три императора. Регентом при двухлетнем правителе Поднебесной империи был назначен его дядя из рода Фудзивара.

Прошло четырнадцать лет. Мальчик-император стал юношей, но до зрелого возраста не дожил. Тогда в борьбу бросился свергнутый Сутоку, который задумал отдать престол другому младенцу – собственному сыну.

Решение Сутоку вызвало раскол в семействе Фудзивара. На стороне Сутоку выступил умный и энергичный министр Ёринага Фудзивара. Компания, объединившаяся против Сутоку и его младенца-сына, была достаточно внушительной: она включала старого императора-иннока, его любимую постаревшую наложницу, других принцев и большинство членов клана Фудзивара. Враги Сутоку объявили, что преждевременная кончина юного императора была вызвана колдовством и виновен в этом не кто иной, как Сутоку. Своим кандидатом на престол они выдвинули Госиракаву, по выражению японской официальной истории, «юношу посредственных способностей». И в этот момент, в 1156 году, неожиданно умер император-иннок Тоба.

Сутоку сделал попытку захватить престол, но это ему не удалось. Тогда он удалился в резиденцию своего главного союзника Ёринаги Фудзивара, чтобы начать войну.

Феодальный мир Японии раскололся, и вражда разделила не только большие кланы, но и семейства внутри них. Один из братьев Фудзивара поддерживал Сутоку, второй – Госиракаву. Минамото были как среди сторонников Сутоку, так и в числе его противников. Тадамаса Тайра вышел на защиту Сутоку, а его племянник Киёмори выступил за Госиракаву.

В первом же сражении войско Сутоку было разгромлено. Победители сослали Сутоку на остров Сануки.

Об этой короткой, но кровавой войне в Японии говорили, что она разрушила человеческие отношения и погубила мораль.

С людьми, выдвинувшимися тогда, нам придется встретиться еще не раз: на историческую арену выходит «юноша посредственных способностей», новый император Госиракава, и молодой князь из рода Тайра по имени Киёмори.

Госиракава не желал быть игрушкой в руках слабеющих Фудзивара. Поэтому он отрекся от престола, ушел в монахи и таким образом – удивительный японский парадокс – обрел власть. Формально императором стал юный Нидзё.

Госиракаве было суждено пережить нескольких «светских» императоров. Он пережил великую войну восьмидесятих годов. Удивительная цепкость, отсутствие принципов и жажда удержать «теневой» престол позволили ему активно действовать в политической игре в течение тридцати пяти лет.

Власть дома Фудзивара катилась к закату.

Поводом для новой междоусобной войны послужило оскорбление, которое нанес канцлер Мицинори Фудзивара князю Минамото, отказавшись женить своего сына на его дочери и предпочтя дочь Киёмори Тайра. Минамото и их союзники из дома Фудзивара захватили императорский дворец, и Нидзё попал к ним в руки. От его имени они начали издавать эдикты и награждать друг друга высшими должностями и землями. Заодно они жестоко казнили канцлера Мицинори Фудзивара.

Грубые самураи громко топали в дворцовых залах, пугая изысканных придворных, во дворе ржали кони, звенело оружие, поэты и поэтессы попрятались по углам, в городе царил переполох; года не прошло с прошлых неурядиц, как снова в Киото льется кровь.

Через десять дней Тайра удалось выкрасть и перевезти к себе юного императора, и в тот же день император-иннок Госиракава бежал из Киото и укрылся в буддийском храме.

Тогда в дело вступила армия Тайра. Минамото были разгромлены, их вождь бежал в свои земли, но по дороге его перехватили вассалы Тайра и убили.

После этого Тайра начали истреблять либо ссылая не только активных участников неудавшегося переворота, но и их родственников – могущество клана Минамото было сильно подорвано. Одни князья были убиты, другие вынуждены были укрыться в своих поместьях. Правда, сыновья предводителя восстания, Ёритомо и Ёсицунэ, остались в живых.

Император Нидзё умер двадцати трех лет от роду. Это случилось в 1166 году. Ему наследовал двухлетний сын. Малышу, который знал только своих нянек и кормилиц, так и не удалось понять, что происходит вокруг, потому что его дни на троне были сочтены. Глава клана Тайра, Киёмори, использовал традицию, введенную домом Фудзивара: он заставил императора-иннока породниться с ним, и к тому времени, когда состоялась коронация, в доме Госиракавы уже подрастал очередной кандидат в императоры – его сын Такакура, приходившийся Киёмори племянником.

Через два года Киёмори приказал убить четырехлетнего императора и передать престол Такакуре. Еще через несколько месяцев Киёмори велел готовиться к торжествам в честь совершеннолетия императора.

Совершеннолетие императора праздновалось не в каком-либо определенном возрасте, а тогда, когда, по мнению близких и мудрецов, император созрел для такого события. Киёмори решил, что Такакура созрел к восьми годам. Как только это торжество совершилось, он женил императора на своей пятнадцатилетней дочери. Таким образом Киёмори приобрел полный контроль над императорской властью. Правда, еще оставался император-иннок, но он был обязан дому Тайра жизнью и к тому же находился в изоляции.

До конца семидесятих годов дом Тайра безраздельно господствовал в Японии. Тайра правили нагло, жестоко, не считаясь ни с кем. Для старой знати и окружения императора-иннока они были мужланами, которых еще недавно не допускали ко двору. Для провинциальных феодалов Тайра были соперниками, угнетателями: их сборщики налогов и соглядатаи контролировали всю страну, верша суд и расправу над непокорными и следя за тем, чтобы другие семей-

ства не усиливались. Недовольны были и монахи; они кипели негодованием, глядя, как Тайра вмешиваются в дела монастырей и храмов.

Когда недовольных много, они начинают искать пути к объединению. В стране начали зреть заговоры, и за ними стояли либо двор Госиракавы, либо остатки клана Минамото.

В средневековой Японии было развито уважение к литературе, к написанному слову, понимание высокого призвания поэта и писателя. Поэтому романы, сборники стихотворений и исторические сочинения сберегались там даже в самые тяжелые годы.

Японская средневековая литература удивительно многообразна. Она впитала в себя богатство китайской литературы танской эпохи. Любой образованный японец мог прочесть наизусть стихи Бо Цзюйи, великого китайского поэта, причем на китайском языке, который был латынью средневековой Японии. Немалое влияние на японскую культуру оказал и буддизм, пришедший в Японию через Китай, но сохранивший свою индийскую первооснову.

И все же литература средневековой Японии никак не подражательна. По своему разнообразию, самобытности, изысканности она не имеет аналогов во всемирной литературе того периода.

Притом нет иной литературы в мире, которая бы добиласть столь органичного слияния прозы и поэзии. Обращаешься ли к дневнику фрейлины, сборнику анекдотов, приключенческому роману, исторической хронике – это обязательно синтез прозы и поэзии, потому что для японца уже в ту далекую пору поэзия была неотъемлемой частью повседневности.

Эпоха Хэйан³ (IX–XII вв.), на конец которой и приходятся события, описанные в нашей книге, дала произведения разных жанров – от сборника анекдотов и историй «Ямато моногатари» («Повести из Ямато»), антологий поэзии типа «Кокинсю» до множества романов, как «бестселлеров» вроде «Повести о дупле» («Уцубо моногатари»), так и исторических романов-хроник, подобных «Повести о Гэндзи» («Гэндзи моногатари»), и, наконец, лирических дневников знатных женщин.

Для меня как читателя наиболее поразительны последние. Тысячу лет назад женщины в Японии много и хорошо писали. Автором самого знаменитого романа – «Гэндзи моногатари» – была придворная дама Мурасаки Сикибу, «Ямато моногатари», скорее всего, написала фрейлина Исэ. Куртуазность двора, присутствие множества фрейлин, наложниц и жен императоров и вельмож создавали особую атмосферу, которая требовала от светской дамы высокой образованности, утонченности и изысканного вкуса. Японские знатные дамы были изящны, прекрасны, как цветы, и жизнь их была ненадежна, как у нежных цветов, ибо целиком зависела от прихоти императора или вельможи.

Стены дворца, хрупкие перегородки ширм создавали иллюзию постоянства и даже прочности окружающего мира, но этот мир рушился не только от землетрясения, но и от дуновения ветра. Литература, которая рождалась в такой жизни, была трепетной, откровенной и в то же время надломленной глубинной ложью этого эфемерного существования.

Потрясающие «Записки у изголовья» придворной дамы Сэй Сёнагон или «Непрошенная повесть» Нидзё, как бы обрамляющие эпоху Хэйан, во многом сходны: они о тщетных поисках счастья и полном крушении в конце. Как отчаянно эти женщины строят свой маленький мир, как мечтают они о любви! Чудесно пишет об этом автор «Ямато моногатари»: «Однажды в дождливую ночь он подошел к шторке двери ее комнаты; она же, не зная этого и так как дождь просочился внутрь, перестилала соломенную подстилку. При этом она сказала:

Если бы
Тот, кого люблю.

³ Хэйан – официальное название столицы Японии города Киото, означает «мир», «покой».

Был дождем, который льется сюда,
Не меняла бы я
Свое ложе, на которое каплет вода»⁴.

В этих коротких строчках всё: и быт дворца, в котором люди отгорожены лишь шторами и ширмами, и соломенная подстилка, на которой спит придворная дама высокого ранга, и даже протекающая крыша. И главное – ожидание любви, столь часто тщетное.

И бесправие. Поэтически и горько пишет о нем, как бы предвидя свою грустную судьбу, великая писательница Сэй Сёнагон: «Посадишь хаги и мискант, выйдешь любоваться их необычной красотой... И вдруг является кто-то с длинным ящиком и лопатой, у тебя на глазах начинает копать всюду, выкопает растения и унесет. Как обидно и больно!.. Тебе не терпелось прочитать письмо, но мужчина выхватил его у тебя из рук, отправился в сад и там читает... Вне себя от досады и гнева, погонишься за ним, но перед бамбуковым занавесом поневоле приходится остановиться, дальше идти тебе нельзя...»

Бамбуковый занавес той жизни был прочнее железных решеток.

В дневниках писательниц эпохи Хэйан достигается редкая даже для современной литературы искренность и то сочетание высокого и низкого, трагического и смешного, ничтожного и значительного, из которого складывается жизнь. Нигде в европейской средневековой литературе автор не пускает читателя в свою душу – японские писательницы первыми в мире позволили читателю слиться с автором... А впрочем, помните, что написала фрейлина Исэ тысячу лет назад?

⁴ Здесь и ниже – перевод В. Марковой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.